

ЕВРОПЕЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

26-27 апреля 2023 года в Институте Европы РАН прошли мероприятия Форума «Россия, Европа, мир», приуроченного к 35-летию основания Института и 30-летию создания Ассоциации европейских исследований. Публикуем аналитический обзор выступлений участников научной конференции «Европейские исследования: политика, экономика, безопасность».

Вступление

Ал.А. Громыко*. На фоне усиления кризисных явлений в глобальных процессах, фрагментации мирового политического, экономического пространства, разрушения сферы безопасности особую актуальность приобретает концептуальное осмысление происходящих перемен. Во весь рост встают вопросы цивилизационного взаимодействия, исторической динамики отношений между Россией и другими частями света, феномена евразийской природы её цивилизационного развития, противостояния парадигм универсализма и полицентризма.

Всё больше места цивилизационной тематике отводится на страницах ключевых официальных документов. В новой редакции Концепции внешней политики РФ, утверждённой в марте 2023 г., говорится об особом положении России как самобытном государстве-цивилизации, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державе. Продолжается изучение кризиса «либерального мирового порядка» и упадка легитимности «американской империи». Происходит столкновение взглядов о формирующейся структуре отношений между ведущими центрами силы, в том числе в терминах «политической геометрии». Идёт поиск новой модели мировой экономики и путей преодоления кризиса в экономической науке и теории. Переосматриваются традиционные подходы к представлениям об экономических последствиях феномена региональной интеграции, о соотношении её выгод и издержек. Концептуальные споры и научный поиск в отношении состояния глобализации, мировой политики, экономики протекают параллельно со столкновением принци-

* *Алексей Анатольевич Громыко* – член-корреспондент РАН, директор ИЕ РАН.

пиально разных подходов к будущему международной безопасности, контроля над вооружениями.

В последнее десятилетие инициированы крупные стратегические проекты, например, американский «поворот к Азии» и российский «разворот на восток». В свете этого встаёт задача аналитической оценки их претворения в жизнь. В зависимости от точности промежуточных выводов, их всесторонней обоснованности и способности политических игроков к их восприятию и учёту, внешнеполитические стратегии могут демонстрировать низкую или высокую степень адаптации. Такие вызовы стоят в ходе претворении в жизнь концепций «большого евразийского партнёрства», «американского лидерства», «мира, основанного на правилах», энергоперехода, китайских инициатив по глобальному развитию и глобальной безопасности и др.

Европейская часть Запада при всём накопленном богатстве продолжает постепенно терять свои преимущества в пользу других. Прокси-война Запада против России на Украине, санкционная война с Москвой, курс на полный отказ от российских энергоресурсов, потеря крупного внутреннего рынка России причиняют серьёзный вред экономическим позициям ЕС, особенно странам с энергоёмкими промышленными производствами. Значительная часть европейского бизнеса ещё надеется со временем возобновить активную деятельность в РФ. Со своей стороны, США, при всей демонстрации евроатлантической солидарности, проводят прагматичную политику в собственных интересах. Очередной демонстрацией этого стал Акт о снижении инфляции и последовавший драматический диалог ЕС с Вашингтоном об учёте союзниками по обе стороны Атлантики интересов друг друга.

В отношениях с Россией европейские страны и организации всё больше расходятся со странами глобального Юга. Но бывший Третий мир неоднороден. Его симпатии в адрес России, тем более, союзнические отношения не гарантированы, и борьба за них растянется на долгое время. Та же логика применима в отношении с Западом, когда у России сохраняется возможность манёвра в зависимости от национальных интересов различных государств.

I. Исследования международных отношений и отечественная европейстика

А.А. Дынкин*. Однополярный мировой порядок окончательно рухнул 24 февраля 2022 г. Текущее состояние мироустройства является переходным к будущему миропорядку. В октябре прошлого года на Валдае Владимир Владимирович Путин коротко и точно сформулировал текущую ситуацию: «Мир на перепутье, мы вступили, возможно, в самое опасное, непредсказуемое, и в то же время самое важное десятилетие с момента окончания Второй мировой войны». Мне представляется, что это достаточно точная характеристика современного международного положения.

Многополярность – это цель, но ещё далеко не политическая реальность. Пока в северном полушарии наблюдается жёсткая биполярность, и в этом смысле напра-

* *Александр Александрович Дынкин*, академик РАН, президент ИМЭМО им. Е.М. Примова РАН, академик-секретарь ОГПИМО РАН.

шивается аналогия со второй половиной XX века. Текущая холодная война уже политизировала конкуренцию по стратегическим продуктам, таким как: энергия, продовольствие, микропроцессоры, редкоземельные металлы. Климатическая повестка стала вытесняться энергобезопасностью – декарбонизация, как глобальная проблема, на мой взгляд, откладывается.

Пандемия и украинский кризис нанесли двойной удар по глобализации. Глобализация лишилась таких своих базовых основ, как дешёвые деньги, дешёвая рабочая сила, дешёвая энергия и недорогая логистика. Сегодня всё это в прошлом. Другими словами, тот постглобальный мир, в котором мы сегодня живём, стал фрагментированным, неопределённым и поэтому неустойчивым. Уже ясно, что 17 целей устойчивого развития ООН к 2030 г. достигнуты не будут. Косвенное признание этого содержится в последнем докладе ООН о человеческом развитии: «Новый комплекс неопределённости достиг масштабов невиданных в человеческой истории. Он складывается из трёх причин: климатическая дестабилизация, кризис неравенства и повсеместно усиливающаяся политическая поляризация и даже конфронтация».

Полагаю, что эти реалии уже привели к смене парадигмы внешней политики России от прежней модели «Восток – Запад» к модели «Север – Юг». Теперь, на мой взгляд, концептуально актуально не «от Лиссабона до Владивостока», а «от Мурманска до Шанхая и Мумбаи», то есть от горизонтального к вертикальному меридиану политического и экономического мышления. Такая смена менталитета и практики неизбежна во многих сферах не только с точки зрения логистики и инфраструктуры, но и в деловых отношениях, в инвестициях, медийной политике и, конечно, в наших исследованиях.

В ИМЭМО мы ещё в 2015 г. пришли к выводу о неизбежности биполярности и начали структурную перестройку организации. Был создан Центр постсоветских исследований, и сегодня он один из самых востребованных подразделений Института. Сильно укрепили китайское направление, открыли Центр Ближнего Востока и Отдел Южной Азии. Всё это было сделано силами молодых исследователей в возрасте до 40 лет со знанием региональных языков.

Период, когда Европа была той кухней, где готовился очередной мировой порядок, и которая, начиная с Петра Великого, была образцом для подражания и ролевой моделью для России, сегодня завершается. России предстоит переосмыслить себя как самодостаточный развитый Север, партнёр глобального Юга и большого Востока, как активный участник будущего полицентричного мирового порядка. Последний, очевидно, будет формироваться не в Трансатлантике, не в Европе, а в Евразии и бассейне Тихого Океана.

С точки зрения европеистики считаю важным сравнительный анализ отношений Европейского союза с Китаем и Соединёнными Штатами – где в них общее, где различия, каковы перспективы сотрудничества Евросоюза с этими двумя государствами. Всё более важны отношения ЕС с Индией, а также его военная активность в Индо-Тихоокеанском регионе.

Востребован мониторинг, анализ и прогноз отношений РФ и Белоруссии, изучение стран Балтийского региона, положение Калининграда как российского эксклава, который находится не в простой экономической и геополитической ситуации.

Необходимо продолжать изучать идею «глобальной Британии» после брекзита, чтобы понять – это провал или успех. И более широко – какое состояние взаимоотношений в англосаксонском мире.

Возрастает значение отношений между Европой и Африкой. Сегодня Европа находится под миграционным ударом, направленном из этого континента. Климатические изменения будут, с моей точки зрения, только отягощать миграционную проблему.

Конечно, важно анализировать отношения стран ЕС с Центральной Азией и Закавказьем. Необходимо отдельно заниматься Польшей, которая имеет большие амбиции и является на сегодня одной из самых враждебных России государств в Европе, проводить анализ польской экономики и политических процессов.

И.С. Иванов* . Европа и наши отношения с ней за последние несколько десятилетий прошли сложный период развития. На этом пути были далекоидущие планы, надежды, были разочарования, неудачи, приходилось и приходится вновь и вновь искать ответы на возникающие проблемы. При этом важно сохранять научный подход к анализу происходящих событий, избегать конъюнктурных суждений.

В советское время были высоко востребованы в партийных и государственных органах материалы академических институтов. В том числе готовились долгосрочные прогнозы. Материалы научных центров широко использовались для подготовки последующих документов, определявших среднесрочную и долгосрочную политику нашей страны, в том числе в области внешней политики. Позже, на каком-то этапе это творческое сотрудничество между академическими учёными и властными структурами было утрачено в силу различных причин. Сейчас оно постепенно восстанавливается и важно, чтобы эта тенденция сохранилась.

В условиях, в которых находятся международные отношения, требуется выверенный, научно обоснованный анализ событий, особенно когда речь идёт о переломных моментах в мировой политике. В первую очередь важно учитывать долгосрочные интересы и обстоятельства. Недавно принята новая Концепция внешней политики России. Там совершенно по-новому ставится целый ряд вопросов, касающихся международной ситуации, в частности, политики РФ в отношении Европы, содержатся достаточно жёсткие формулировки. Вместе с тем ставится задача формирования на последующем этапе новой модели сосуществования с европейскими государствами, в том числе с учётом потенциала многосторонних форматов, включая Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Мы вступили в новый и трудный этап в отношениях с Европой. Раньше речь шла о формировании единого пространства от Владивостока до Лиссабона. В это вкладывалось многое, в том числе общие пространства политическое, экономическое, культурное, гуманитарное. Пытались сформировать единое пространство евроатлантической безопасности, за чем стояла не импровизация, а серьёзная работа и продуманные шаги. Теперь важен серьёзный прогноз: в чём причины происходящего, почему

* **Игорь Сергеевич Иванов**, член-корреспондент РАН, президент Российского совета по международным делам (РСМД), Министр иностранных дел РФ в 1998–2004 гг., Секретарь Совета Безопасности РФ в 2004–2007 гг.

случились глубокие сбои, ведь мы говорим фактически о переориентации в значительной мере российской внешней политики. А переориентация внешней политики такого глобального игрока, как Россия, это, как все понимают, масштабная задача.

В этой работе главное не допускать ошибок. Помимо эмоций, которые в силу текущих событий сильны, необходимо с холодной головой и с научных позиций проанализировать современный мир, эффективность тех или иных долгосрочных проектов, как и причины тех или иных неудач. Носят ли последние стратегический или конъюнктурный характер, по каким причинам они произошли. Одним словом, надо решать не столько сиюминутные проблемы, сколько провести глубокий анализ.

Вспоминаю, как в МИДе, в период Э.А. Шеварднадзе, было создано специальное подразделение. Сначала на заседаниях коллегии мы отбирали темы, которые представляли долгосрочный интерес, и затем формировали задания для академических институтов, даже с определённым финансированием. Новое дыхание такая практика обрела в период, когда министром иностранных дел был Е.М. Примаков, который был и учёным, и практиком, и государственным деятелем. Он прекрасно понимал важность такой задачи, выстраивал тесные отношения со всем академическим сообществом, делал ставку на всесторонний анализ.

В его бытность министром вырабатывались многие международные соглашения, в том числе договор с НАТО – основополагающий акт, долгосрочные проекты с Европейским союзом. И сегодня нельзя говорить только о негативном опыте в истории отношений России с ЕС, потому что был значительный объём экономического, научно-технического сотрудничества, что приносило немало пользы по многим направлениям. Сегодня важно не растерять имевшийся позитив, формируя задачи на будущее.

Я обратил внимание на то, что в Распоряжении Совета министров СССР от 28 сентября 1988 г. о создании Института Европы отдельной строкой поручается Министерству иностранных дел организовать ежегодное командирование специалистов Института в посольства СССР в странах Западной Европы. Иными словами, уже тогда ставилась задача объединения усилий научного сообщества и практиков для всестороннего обоснования наших шагов во внешнеполитической сфере. Сегодня это было бы востребовано ещё больше.

С.Д. Бодрунов* Сложно переоценить значение европейских исследований для научного осмысления происходящих процессов в Европе в геополитических, экономических, социальных, миграционных областях, их последствий для определения роли и места России в системе современных международных отношений. В текущих условиях, в условиях слома, реформирования мирового геоэкономического и геополитического устройства, в условиях формирования полицентричного мира работа по анализу, прогнозированию, выявлению закономерностей социально-экономического развития нашей страны, СНГ в контексте отношений с Западной и Восточной Европой приобретает особую актуальность. Фундаментальные и прикладные научные разработки призваны решать насущные задачи, стоящие перед нами.

* *Сергей Дмитриевич Бодрунов*, член-корреспондент РАН, президент Вольного экономического общества России, президент Международного союза экономистов.

В последние годы мы наблюдаем большой прогресс в отношениях между наукой и властью. Ценным источником информации по трансформационным процессам в Европе, на постсоветском пространстве являются академические разработки. Отмечу работу ежегодного Московского академического экономического форума. Жизнь ставит новые задачи по уточнению выбора путей развития, стратегических ориентиров социально-экономического развития страны, по поиску возможных механизмов и средств их решения.

А.А. Кубрин* Сегодня мы наблюдаем, как меняется бывшая комфортная Европа. Эти изменения имеют важное значение для России, Беларуси, Союзного государства. Как должна меняться идеология их развития? Единое пространство «от Лиссабона до Владивостока» осталось в прошлом. «Политика – концентрированное выражение экономики» – классическое выражение. Как такой принцип работает на европейском пространстве? Фактически, политика, которую в Европу приносят из-за океана, реально разрушает экономику. И не только между Россией и Белорусью с Европой, а в том числе и их внутреннюю экономику. Внешнее влияние заставляет перестраивать связи в Европе, создаёт искусственные противоречия между экономикой и решениями, которые принимаются политиками.

Обостряются вопросы безопасности – происходит обрушение всей системы европейской безопасности, и это в корне безответственная политика европейских лидеров. Продолжают своё движение огромные миграционные потоки, которые накатывают на Европу в условиях отсутствия реальной готовности к этому. В последнее время миграционный поток с Украины в Европе привносит не только абсолютно новую идеологию, но он ярко русофобский. А ведь до недавнего времени многие европейские страны плотно работали с нами по миграционной проблематике. Но всплеск антироссийской идеологии привносит глубокие противоречия.

С точки зрения Союзного государства одна из основных проблем, которая на сегодня в Европе практически не решается, это действительно вопрос миграции. В его решении общей идеологии нет. По сути, возникла ситуация деструктивного развития. То есть деятельность европейских органов ведёт лишь к усугублению проблем. На этом фоне важно сказать о нескольких документах, которые дают возможность России и Беларуси действовать сообща в этой области. В конце прошлого года утверждена Концепция миграционной политики с соответствующими планами реализации. В начале нынешнего года принята Концепция информационной безопасности. Так как речь идёт о больших потоках людей, требуется соответствующее информационное обеспечение, чтобы понять, какие группы людей и куда перемещаются, где имеет место трудовая миграция, а где культурная, образовательная.

6 апреля с.г. на заседании Высшего Государственного Совета Союзного государства принято решение и даны поручения разрабатывать общую Концепцию безопасности Союзного государства. В прошлом году было подписано соглашение о взаимном признании виз, с тех пор ратифицированное. Таким образом, мы создали внутрисоюзный «микро-Шенген», который позволяет гораздо эффективнее исполь-

* *Алексей Александрович Кубрин*, заместитель Государственного секретаря Союзного государства, член Постоянного комитета.

зовать возможности граждан третьих государств, которые могут теперь беспрепятственно приезжать и в Россию, и в Белоруссию, перемещаться по территории Союзного государства. Практически по всем направлениям, которые в Европе являются критичными, в Союзном государстве разработан определённый перечень документов, и главное – он реализуется на практике. Существует широкий перечень документов, которые обеспечивают взаимодействие и министерств обороны, других структур, то есть всё поставлено на программно-плановый подход.

Н.С. Кобринец*. Мы живём, действительно, в сложное время, происходит коррозия американско-центричного миропорядка, формируется более справедливый, многополярный мир. Мы являемся свидетелями рассредоточения власти на глобальном уровне, укрепления позиций незападных игроков, региональных государств-лидеров и объединений. К сожалению, возрастает роль фактора силы в международных делах, центральный и драматичный разлом в отношениях России и Запада происходит именно на территории Европы.

Важный аспект – усиливается ценностное противостояние. Правящие элиты стран Запада переступили грань здравого смысла в продвижении неолиберальной повестки, в попытках сломать традиционное устройство общества и семьи. Это спровоцировало заметное отторжение западной модели и рост запроса на самобытность, ренессанс национального самосознания, на возрождение региональных культурных форм. Влияние культурно-цивилизационного фактора на мировую политику растёт. В основу нового глобального порядка закладываются более справедливые универсальные ценности межгосударственных отношений.

Не лишне их перечислить: суверенное равенство государств, невмешательство во внутренние дела, свобода выбора государственной модели развития социально-политического и экономического устройства, отказ от двойных стандартов, ненападения, нанесение ущерба безопасности других государств, поиск компромисса, сотрудничество на основе равноправия, баланса интересов и взаимной выгоды. Это верховенство права в международных отношениях, а не пресловутый «миропорядок, основанный на правилах».

Последние два десятилетия Россия делала всё, чтобы вооружённого конфликта на Европейском континенте не было. Мы указывали на общность задач, решение которых требовало сотрудничества и координации усилий: угроза терроризма, изменение климата, миграционные потоки, бедность. Призывали уйти от концепции времён холодной войны, от конфронтации и геополитического соперничества. Прикладывали, без преувеличения, колоссальные усилия, чтобы выстроить архитектуру равной и неделимой европейской и евроатлантической безопасности. Страны Запада не поддержали ни одну из этих инициатив, отказались от ратификации адаптированного ДОВСЕ, не приняли проект Договор о европейской безопасности, представленный в 2008 г., не стали обсуждать проект соглашения об основах взаимоотношений в сфере безопасности государств-членов Совета Россия – НАТО от 2009 г., ушли от предоставления гарантий ненаправленности системы ПРО про-

* **Николай Сергеевич Кобринец**, директор Департамента общеевропейского сотрудничества МИД РФ.

тив российских стратегических ядерных сил. По их вине ушли в прошлое Договор о ракетах средней и меньшей дальности, Договор по открытому небу.

Одновременно НАТО продолжала расширяться на восток, уверяя, что это создаст пояс дружелюбных государств вокруг России; наращивала боевой потенциал вблизи границ РФ; в Польше и Румынии размещали системы ПРО. В стремлении геополитически освоить постсоветское пространство Запад приводил к власти в соседних с нами странах русофобские элиты, потворствовал даже тем, кто исповедовал откровенные неонацистские взгляды. Российские озабоченности в связи с нарушением интересов страны в сфере экономики и безопасности, притеснением русского населения игнорировались.

К 2022 г. на территории Украины был создан режим, готовый не только к оборонительным, но и к наступательным действиям против РФ. В декабре 2021 г. Россия поставила вопрос ребром о предоставлении США и их союзниками по НАТО долгосрочных юридически обязывающих гарантий безопасности. Однако они отказались работать по представленным проектам. С февраля 2022 г. в наших отношениях с Евросоюзом наступил «ледниковый период». Полностью прекращён политдиалог, почти целиком демонтированы механизмы взаимодействия в торговле, экономической, энергетической и иных сферах. ЕС стал абсолютно не самостоятельным в принятии ключевых решений. Это подтверждают примеры его отказа по требованию Вашингтона от российского газа, который обеспечивал десятилетиями процветание Европы; готовность стран-членов ЕС покупать дорогостоящие вооружения у США взамен поставляемого на Украину; безволие ЕС в истории с подрывами ниток газопровода «Северный поток»; прослушка американскими спецслужбами руководства европейских стран и многое другое.

Показательна подписанная 10 января этого года совместная декларация ЕС – НАТО. Из неё следует, что альянс в интересах Вашингтона окончательно подмял под себя Евросоюз, по сути, превратив его в свой экономический придаток. Помимо географического расширения Североатлантический блок интенсивно осваивает все пять так называемых операционных сред: сушу, море, воздух, космос, киберпространство. С претензией на роль глобального игрока безопасности стремится распространить своё влияние за пределы европейского пространства, подтягивая к себе страны-единомышленники – Австралию, Новую Зеландию, Южную Корею, Японию. Оказывает давление на наших партнёров в Африке, Азии и Латинской Америке. Продолжается ползучее освоение постсоветского пространства, продвигается политика «открытых дверей» для Грузии, Молдавии, Украины. Вся эта деятельность осуществляется прежде всего с целью сдерживания России, а попутно и Китая. Такие задачи чётко зафиксированы в стратегической концепции НАТО, принятой в 2022 году.

Несколько слов об ОБСЕ. Организация создавалась как крупнейшее общеевропейское объединение. Идея заключалась в совместной работе суверенных государств с общим видением построения подлинной единой Европы на основе разделяемых всеми фундаментальных ценностей. В условиях нынешней геополитической турбулентности работа на этой площадке деградировала. В период председательства в ОБСЕ в 2022 г. Польша фактически обнулила потенциал организации, полностью отошла от коллективно согласованных государствами-участниками правил. Она даже

не выполнила свои обязательства страны-председателя, не дав возможность российской делегации участвовать в итоговой встрече ОБСЕ в прошлом декабре.

Были робкие надежды, что этот порочный вектор попытается изменить ныне действующее северномакедонское председательство, но этого не произошло. Стиль работы македонской дипломатии мало чем отличается от польского. США и их сподручные, по сути, приватизировали ОБСЕ, работают на разрушение организации. Естественно, значительное количество государств-участников ОБСЕ не удовлетворены подобным положением дел. Появился закономерный вопрос: что делать с такой ОБСЕ? Его задают и ближайшие союзники России по ОДКБ, ряд партнёров по СНГ и другие государства-единомышленники. Надежды на то, что болезнь не зашла слишком далеко, становится всё меньше.

Контурсы многополярного мира уже просматриваются. Укрепляется взаимодействие в рамках таких объединений, как ШОС, БРИКС, ОПЕК+, АСЕАН+. Очевидны роль и потенциал «Группы двадцати». Будем развивать Большое евразийское партнёрство на основе сопряжения Евразийского экономического союза и китайского проекта «Один пояс – один путь». Именно на этих основах будет формироваться философия новой архитектуры безопасности и подлинно открытого взаимодействия по самому широкому спектру направлений. Хотелось бы, конечно, надеяться, что со временем здравомыслие в Европе возобладает. Мы сохраняем дипломатические каналы открытыми, но иллюзий не строим. Сейчас с западниками по большому счёту говорить просто не о чем.

С.М. Рогов*. В новой концепции внешней политики России содержатся новые важные формулировки. Например, Европа определяется, как западная часть Евразии, а главной целью российской внешней политики объявляется создание единого евразийского континентального пространства. В документе отмечается, что европейские страны проводят враждебную политику в отношении России.

Ситуация крайне непростая, противостояние «коллективного Запада» и России продолжает усиливаться. Много говорят о гибридной войне. Считаю, что это неправильный термин. Скорее, правильно говорить о «прокси-войне», которая ведётся против России. Для нас как учёных, исследователей задача заключается в том, чтобы найти способы стабилизировать ситуацию, не допустить её дальнейшего ухудшения, соскальзывания к прямому военному конфликту, эскалация которого может обернуться ядерной войной. Если мы сможем как-то стабилизировать отношения, то это создаст возможности в дальнейшем, через несколько лет, их частично нормализовать.

А.М. Васильев**. Мы являемся свидетелями ломки старой миросистемы и выработки каких-то новых форм её существования. Этот процесс не единовременный и он начался задолго до событий на Украине. Суть его в том, что по ряду причин не-Запад развивается быстрее Запада, особенно Европы. Мы разрабатывали эту

* *Сергей Михайлович Рогов*, академик РАН, научный руководитель Института США и Канады РАН.

** *Алексей Михайлович Васильев*, академик РАН, почетный президент Института Африки РАН.

идею давно, и она уже стала фактом. За это время сверхдержавой, равной США, стал Китай. Индия идёт тем же путём, отставая от Китая лет на двадцать, но тоже превращается в сверхдержаву.

Хотел бы привести два ярких примера. Нынешний авторитарный руководитель Саудовской Аравии, наследный принц Мухаммед Бен Салман при встрече с президентом США прочитал ему небольшую лекцию, а надо сказать, что он тщательно готовится к подобным встречам. Смысл сказанного им был в следующем: да, господин президент, у нас есть общие принципы, но мы по-разному их понимаем; так, как вы интерпретируете эти принципы и как вы вели себя в Афганистане и Ираке, это была контрпродуктивная политика. И дальше развивал эту мысль, упомянул даже тему американской тюрьмы Абу-Грейб, где пытали заключённых в Ираке.

Спустя некоторое время сын короля при встрече с китайским лидером заявил, что поздравляет Си с успехами XX съезда Коммунистической партии Китая, что у двух стран общие цели, что они являются стратегическими союзниками, что «Один пояс – один путь» совпадает с планами Саудовской Аравии, которая придерживается политики «одного Китая» и одинаковой политики по украинскому вопросу. Эти примеры – отдельные элементы того самого слома старого порядка и превращения его в новую миросистему.

В отношении европеистики хотел бы выделить социальные, религиозные, культурные изменения в Европе. Население Земли в целом идёт к самой большой революции за многотысячелетнюю историю человечества. Примерно в середине XXI века произойдёт прекращение роста населения мира. Единственным поставщиком рабочей силы и новых рабочих рук останется Африка. Если будет линейное развитие текущей ситуации, то через 30 лет нынешнее более чем 200-миллионное население Нигерии будет больше всего населения Европы. То есть страна демографически разрывается, и этот поток хлынет прежде всего в Европу. Будет нарастать «афроазиатизация» мира, в особенности «африканизация». Каждый четвёртый человек на Земле будет африканцем. Как это будет воздействовать на общую ситуацию, трудно предсказать.

А.Д. Некипелов*. В плане экономической теории хотел бы затронуть проблему «общественного выбора». Идея заключалась в том, чтобы решить на первый взгляд несложную задачу: есть члены группы, и не важно, речь идёт об очень локальной группе или о планетарном сообществе. Есть ли какая-то возможность представить, каким образом формируется система предпочтений группы и согласуются интересы её членов? Минимум в трёх случаях присуждения Нобелевских премий по экономике фигурировал вклад в решение именно этой проблемы. Исследователи, каждый по-своему, пришли к тому, что ситуация, оказывается, цикличная. Выясняется, что для того, чтобы согласовать интересы членов группы, нужно согласовать то, как вы их будете согласовывать.

Обычно такого рода циклические вещи походят на тавтологию, но здесь случай другой. Здесь речь идёт о реальной цикличности. Если под этим углом зрения посмотреть на историю развития, становления, затем распада самых разных групп, то

* *Александр Дмитриевич Некипелов*, академик РАН, директор Московской школы экономики МГУ им. М.В. Ломоносова.

проблема предстаёт в новом свете. Предложу версию, что сегодня мы как раз вступили в тот период, когда прежде казавшиеся в целом разумными и устоявшимися правила взаимодействия в силу различных причин оказались не устраивающими всех участников процесса. В результате мы вступили в тяжёлый и, видимо, длительный период перестройки и согласования новых правил игры.

А.А. Байков* . Наша общая задача состоит в том, чтобы показать учащимся долгосрочную повестку исследований. Она связана с тем, как меняется мир, Европа, Европейский союз, европейские общества. В будущем они станут во многом неузнаваемыми, включая социальные структуры, и эту проблему надо изучать. Россия, которая значительной своей частью находится в Европе, не может находиться в стороне, наблюдая беспристрастно, нейтрально за тем, как меняется Европа. В этом необходимо участвовать, не давая Европе забыть о своей европейскости, о тех корнях, ценностях и традиционных, и идеологических, с которыми выросли все общества христианского круга.

Д.М. Розенталь** . В условиях обострения международных отношений мы всё больше говорим о «повороте на Восток», о переориентации на не-западные регионы. Наверно, это правильно, и мне как латиноамериканисту эта позиция близка. Но именно в условиях международной напряжённости понимание социально-политических, экономических процессов в Европе, в странах Евросоюза имеет огромное значение. В Латинской Америке есть огромное количество европейского. Во многом сохранившееся в этом регионе, оно влияет на политическую культуру Европы, на политические традиции, во многом создаёт почву для взаимодействия двух регионов. Евросоюз активно присутствует на просторах Латинской Америки. Испания в этом смысле один из наиболее ярких примеров, учитывая, что эта страна давно и активно осваивает ибероамериканское пространство. Страны Евросоюза активно взаимодействуют с российскими партнёрами в Латинской Америке – Куба, Венесуэла, Боливия, Никарагуа и многие другие, участвуют в урегулировании тех или иных кризисов. Интеграционные процессы, которые происходят на территории Латинской Америки, во многом ориентируются на европейский опыт, и это необходимо учитывать.

В.Г. Барановский*** . В российской внешней политике, если упрощать, есть два содержательных компонента. Первое – это острый антиамериканский стержень, и второе – идея «поворота на Восток». Если быть более точным – поворот в сторону не-Запада. В этой связи возникает некая амбивалентность касательно Европы.

С одной стороны, она попадает в зону противостояния нашей стране согласно формуле «Россия vs Запад». Почти вся Европа, вместе с США и рядом других стран – часть того, что у нас называют «коллективным Западом».

* *Андрей Анатольевич Байков*, к.полит.н., проректор МГИМО(У) МИД РФ по научной работе.

** *Дмитрий Михайлович Розенталь*, к.и.н., директор Института Латинской Америки РАН.

*** *Владимир Георгиевич Барановский*, академик РАН, член Дирекции ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, научный руководитель Центра ситуационного анализа.

С другой стороны, в своё время, когда «разворот на Восток» ещё только начинался, это был не отказ от европейского курса, а перераспределение ориентиров в отношениях с окружающим миром. То есть речь шла о выстраивании более сбалансированной линии. Но здесь сильнейшим дополнительным импульсом, конечно, оказались украинские события. В результате мы становимся свидетелями грандиозного разрыва с Европой, который носит драматический характер и в практическом плане, и в концептуальном, и в пропагандистском. По всем основным параметрам Россия входит в зону риска с точки зрения своих внешнеполитических интересов. Ведь связи с Европой торгово-экономические, инвестиционные и прочие всегда являлись одной из важнейших составляющих внешней политики нашей страны, мощным ресурсом её позиционирования в международных делах.

Если кто-то считал, что Европа тем самым оказывалась от нас в зависимости, то это было верно лишь отчасти. Речь всегда шла о взаимной зависимости сторон друг от друга. В Европе свою часть зависимости от нас во многом преодолевают, хотя и не без издержек. Пока не ясно, насколько это получится у нас, и какие в этом будут плюсы. Здесь важен общий подход: «мы за цену не постоим» или «цена имеет значение». Первый обоснован идеологически, эмоционально, исторически, в ценностной системе координат; второй акцентирует внимание на рациональных, прагматических мотивах и обращает внимание на издержки.

В сфере внешней политики, политики безопасности одна их важных проблем для нашей страны всегда касалась положения дел в связке Европа – США. И здесь тоже было два разных подхода: первый – Европа полностью зависит от Соединённых Штатов и является их лакеем; второй – у неё есть свои интересы и возможности их отстаивать. Возможности эти более чем ограничены, но всё-таки создают для нашей страны некоторый дополнительный ресурс в большой игре на международной арене.

Вспоминаю из далёкого советского прошлого, как молодым исследователем ИМЭМО был приглашён на одно из обсуждений в Министерство иностранных дел. Там звучала именно эта тема: как относиться к американско-западноевропейским отношениям. Два обозначенных подхода были чётко артикулированы. Одни специалисты считали, что Европа – это та величина, по поводу которой говорить особо нечего, что она была и останется в подчинении у Соединённых Штатов. Другие упоминали феномен голлистской внешней политики, нежелание союзников Вашингтона поддерживать его во вьетнамской войне, специфику европейских подходов к ближневосточной ситуации. Так что дуализм в этом вопросе имеет только на моей памяти не менее чем полувековую историю. А фактически уходит своими корнями в первые годы после Второй мировой войны.

Сегодня понятно, какая точка зрения берёт верх. Но это не значит, что она абсолютна и безусловна. Здесь важно – не впадать в крайности. Крайние оценки (то обвинять европейцев, что они не имеют никакой самостоятельности, то рассчитывать, что их и американцев удастся развести по разные стороны баррикад) всегда ведут к неадекватному восприятию и неадекватной реакции.

В этом, мне кажется, тоже есть сильный оттенок *déjà vu*. Сейчас считается, что в Европе русофобия на марше, что так было чуть ли испокон веков, что там прева-

лируют оценки в русле взглядов маркиза де Кюстина. Забывается, что со стороны Европы были периоды очарования Россией, всплески позитивных эмоций.

Мы не должны игнорировать и цивилизационную близость России и Европы. Россия всё-таки гораздо больше Европа, чем Азия. У нас корни с Европой одни. А ведь ныне среди основ нового международного порядка цивилизационный фактор оценивается как один из самых важных.

Конечно, перед нашей страной стоит задача строить вокруг себя нормальную (а лучше благоприятную) окружающую среду. Политика «разворота на Восток», которая началась задолго до 2022 г., уже дала хорошие результаты, позволила внести во внешнеполитическую копилку России важные аргументы. Но здесь возникает очень непростой вопрос о соотношении тактики и стратегии. К тому же векторы внешних предпочтений могут меняться даже у крупных государств. И нам, отслеживая движение раскачивающегося внешнеполитического маятника, нужно думать не только о текущей, но и о следующей фазе в развитии международных дел.

Считаю, что в наших размышлениях о будущем целесообразно иметь в виду три возможных проблемных и временных горизонта.

Первый – это Украина. Урегулирование или договоренность о некотором *modus vivendi*: в какой форме выходить из кризиса. Альтернативой будет затяжной конфликт, война на истощение.

Второй горизонт – это трудное налаживание новой постконфликтной нормальности. Пример: неожиданно возникла тема Северной Европы и Балтики, хотя на протяжении долгого времени этот регион традиционно считался одним из самых спокойных и беспроблемных. Теперь Балтийское море превращается во «внутреннее озеро» НАТО. Непростая ситуация складывается и применительно к Чёрному морю. Понадобится долгое время и немало усилий, чтобы возникло успокоение умов и сформировалась «новая нормальность». Насколько длительным и трудным окажется этот процесс – будет зависеть от того, как станут складываться отношения между Россией и Европой.

Наконец, третий горизонт – несколько более отдалённый (фаза постнормализации), но главное более широкий. Что будет происходить в отдалённой перспективе, какой будет миропорядок, кто образует ядро будущей системы, какое место в ней займут Россия и Европа, с кем им и нам будет проще находить общий язык, кому мы будем интересны, как скажется на наших взаимоотношениях такой огромный фактор, как Китай, каким будут роль и влияние Ближнего и Среднего Востока, Африки... Считать, что здесь создан некоторый запас прочности на будущее, а дальше всё само собой сложится – было бы как минимум излишней самонадеянностью. Время трудных раздумий на этот счет уже наступило.

И.О. Абрамова* Затрону тему «Европа и Африка». Во-первых, рассмотрим интересы Европы. Что такое Африка для Европы? В первую очередь, традиционно это источник ресурсов. Второе – это рынок для сбыта европейской продукции. Третье – это зона сильного политического и культурного влияния и позиционирования Ев-

* *Ирина Олеговна Абрамова*, член-корреспондент РАН, директор Института Африки РАН.

ропы, как одного из лидеров международных отношений и мировой политики. Наконец, это угрозы, которые исходят из Африки, включая миграционную проблему. В привязке к Африканскому континенту упомяну и о биологической угрозе.

ЕС до сих пор остаётся крупнейшим торговым партнёром африканских стран. В 2022 г. торговый оборот Китая с Африкой составил 254 млрд долларов, а торговый оборот Европы с ней – 467 млрд. Это абсолютный рекорд. Совсем недавно, в ковидном 2020 г. этот показатель упал с допандемийных 360 до 283 млрд. То есть налицо рост товарооборота без учёта пандемии более чем на 30%, а с учётом – на 65%. Торговый баланс ЕС с Африкой не в пользу первого – Европа больше импортирует с Африканского континента, чем вывозит. Из европейских стран основными торговыми партнёрами Африки по объёму являются Италия (73 млрд), Франция (70 млрд), Испания (66 млрд), Германия (62,5 млрд). Но даже такие относительно небольшие страны, как Нидерланды и Бельгия, торгуют с Африкой на суммы 53 и 41 млрд долл. соответственно. Показатель Великобритании – 35 млрд. Что касается Российской Федерации, то в 2022 г. наш товарооборот с Африкой приблизился к 18 млрд долл. Рекорд же пришёлся на 2018 г. – 20,4 млрд. Таким образом, Европа продолжает доминировать в африканской внешней торговле.

Теперь об авторитете ЕС и его перспективах на Африканском континенте. Ни для кого не секрет, что отношение к отдельным странам Европы за последнее время в Африке ухудшилось. Связано это не только с ситуацией в свете специальной военной операции на Украине. В принципе происходит то, что обнажила СВО, – ослабление авторитета и влияния Запада за его пределами. В случае Европы важная причина заключается в том, что она утратила в значительной степени свою субъектность, причём как в экономическом плане, так и по внешнеполитической повестке, которая, по сути, была заменена на американскую. То, что предлагает сейчас Европа Африке, в значительной степени тесно координируется с тем, что предлагают США. В результате главным пунктом политики Европы в Африке стало противодействие России и Китаю. Такую позицию Европа раньше никогда не занимала и поначалу отличалась от Соединённых Штатов, которые первыми в своих доктринальных документах прописали противодействие Китаю и России. Сейчас же Европа к этой повестке присоединилась, и такая позиция не вызывает никакого энтузиазма у африканских стран.

Происходит ослабление мировых валют, в том числе не только доллара, но и евро. Африканцы это ощущают и сами действуют. Так, страны зоны африканского франка избавились от требования хранить 50% своих резервов во французских банках. Они продолжают значительную часть резервов хранить в евро, но, тем не менее, зависимость сокращается.

Возьмём последний саммит «Европа – Африка», который проходил до СВО в феврале 2022 г. Ковидная повестка, конечно, была ещё актуальной. В значительной степени саммит был посвящён преодолению последствий коронавируса, предоставлению вакцин и тестов, развитию систем здравоохранения. ЕС предложил выделить 500 млн евро по этим направлениям. Речь шла также о выделении 150 млрд долл. инвестиций в течение 7 лет. Но посмотрим, на что они выделялись. Во-первых, на развитие интернета. Действительно, этот вопрос важный, но с учётом

того, кто доминирует в мировой «паутине», очевидно, что развитие интернета, так или иначе, связано с оказанием влияния на африканское восприятие мировых событий с позиций ЕС и США. Во-вторых, на образование. Опять же система образования в Африке, которая во многом финансируется европейцами и построена на основе всевозможных грантов и программ, в значительной степени направлена на переманивание к себе лучших кадров, либо на решение тех задач, которые интересны, прежде всего, европейцам. В-третьих, на «зелёную» энергетику. Это практически 90% всех проектов. Можно долго рассуждать о том, кому выгодна «зелёная» энергетика, но в целом это еще одна фальшивка под красивым лозунгом с целью очередного перераспределения ресурсов и богатств в пользу Запада.

Кроме того, африканцы хорошо помнят о риторике про «цветущий сад и джунгли», о чём говорил, например, Жозеп Боррель. Она неуважительна и пренебрежительна. У африканцев в генах воспоминания о борьбе с колониализмом. Они спрашивают: а за счёт чего был создан этот сад? Разве не за счёт колоссального ограбления ресурсов и различных зверств колонизаторов? Поэтому европейские заявления о том, что Россия проводит некую неоколониальную политику, хочет захватить чужие ресурсы и ограбить чужие народы, вызывает у африканцев в лучшем случае смех.

В ближайшие годы интерес к Африке со стороны Европы только усилится. С точки зрения выстраивания политики России в Африке нужно понимать, что Европа в обозримом будущем не станет нашим партнёром. Тем не менее, необходимо внимательно отслеживать политику ЕС на Африканском континенте. У них всё же накоплен колоссальный опыт. И надо учитывать, что между самими европейскими странами есть противоречия, которые проявляются, например, между Францией, Италией и Испанией, между ЕС и Великобританией, особенно после брекзита. России нужно учиться на европейском опыте, учиться на чужих и своих ошибках и выстраивать продуманную политику в отношении Африки.

Р.Н. Лункин *. Предлагаю заглянуть глубже в Европу и оценить состояние дел собственно внутри неё с учётом всевозможных кризисных явлений. В этом отношении большое значение имеет изучение социальной политики стран-членов ЕС, которая превратилась в Европейскую социальную модель (ЕСМ). В научной литературе отмечается особое значение социального измерения, изначальное стремление создателей ЕЭС в 1957 г. сочетать экономическую интеграцию с социальными гарантиями, эффективность рыночной экономики с социальным благополучием. Со временем экономическая интеграция перестала быть столь привлекательной для европейцев, и на месте общеевропейской идеи возник вакуум. Этот вакуум лидеры ЕС стараются заполнить социальной идеей.

Последней большой наднациональной программой является «Опора социальных прав» 2017 г., продолжающая череду деклараций и иных документов, в которых содержались слова о социальной ответственности ЕС и отдельных стран. Реализация «Опоры» в условиях кризисов экономического, миграционного, пандемии, украинского конфликта выявила целый ряд противоречий. Отдельные соци-

* **Роман Николаевич Лункин**, д.полит.н., профессор РАН, заместитель директора ИЕ РАН.

альные модели во многом перестали соответствовать требованиям ЕСМ, будучи статичными схемами региональных политик. Некоторые черты, такие как недостаток социального диалога и в англосаксонской, и в континентальной моделях, могли быть воплощены как принципы ЕСМ на наднациональном уровне уже давно. Но у руководства ЕС мало полномочий для воплощения в жизнь соответствующих принципов, социальная политика по-прежнему относится по большей части к национальному уровню.

Стоит особо выделить продолжающееся падение доходов среднего класса, стабилизацию уровня хронической бедности, изменения форм и структуры занятости, рост неравенства. Социально-экономические проблемы нередко подменяются новыми приоритетами: политикой идентичности, гендерным равенством, антироссийскими санкциями. Важно, чтобы по мере стабилизации ситуации в Европе и мире в целом внимание государств к социальным запросам и неудовлетворенным экономическим интересам вышло на первый план. Что касается Европейской социальной модели, то она нуждается в новом перезапуске, причём в сложных условиях экономического спада и стагнации, двойного цифрового и зелёного перехода ЕС. А последний ляжет на плечи граждан, особенно малообеспеченных, тяжким бременем.

В.М. Давыдов *. Европеистика имеет вековые корни, уходящие во времена Российской империи, а затем в десятилетия Советского Союза. И все это нужно уметь ценить. Мы обладаем институционализированной частью Европеистики в академической смысле, и сегодня на рубеже 35-летия можно с уверенностью констатировать достижения этой школы. Речь идёт не просто о концептуальном, теоретическом знании, но о Европеистике как части отечественного обществоведения, которая вносит серьёзный вклад в нашу интеллектуальную жизнь.

Что важно в этой связи понимать? Во-первых, сопряжённость глобальных и региональных тенденций, умение находить их общий знаменатель. Наша задача – глубже разобраться во взаимосвязи глобальных и региональных проблем. Мир быстро меняется, поэтому и школа Европеистики должна меняться. И она доказала делом эту способность. Основательно исследовался период так называемой «новой нормальности» со всеми его превратностями. Но теперь не менее востребован анализ этапа «постнормальности». Стоит задача не только о том, чтобы насытить отечественные исследования новыми методологическими разработками. Важно всерьёз заняться самопознанием, самоопределиться в новых условиях – где сегодня заложен основной смысл существования наших школ, их концептуальная и практическая польза. Без этого невозможно обеспечить сбалансированное позиционирование нашей страны на международной арене. В этом свете, конечно, важны межинститутское сотрудничество, повышение интенсивности нашего профессионального общения, творческие дискуссии, споры.

Регионоведческие школы призваны мобилизовать весь арсенал своих разработок. В Европеистике это, например, теория интеграции, а на общем уровне – теория формирования альтернативных резервных валют, постановка вопроса о политиче-

* **Владимир Михайлович Давыдов**, член-корреспондент РАН, научный руководитель Института Латинской Америки РАН.

ском аналоге неолиберализма. Конечно, востребована ныне миграционная тема в сопровождении с вопросом пределов этно-культурного синтеза.

О.Ю. Потемкина* . Действительно, проблемы демографии и миграции всегда были и останутся актуальны для Европы. Однако особый всплеск интереса к вопросам регулирования миграционных потоков в глобальных и региональных масштабах проявился в период миграционного кризиса в Европе в 2015–2016 гг. По мере того как к 2017 г. миграционная волна начала спадать и руководители ЕС объявили об окончании кризиса, внимание политиков, СМИ и ученых переключилось на другие жизненно важные реалии. Тем не менее многие вопросы оставались без ответа: почему, казалось бы, налаженная система убежища в ЕС даёт сбой в чрезвычайной ситуации? Как строить отношения со странами исхода мигрантов? Как распределять ответственность за прием ищущих убежище между государствами-членами?

Последний специальный саммит ЕС, где обсуждались эти вопросы, состоялся в 2018 г. Начавшаяся в конце 2019 г. пандемия коронавируса, дала передышку европейцам. Решение о запрете «несущественных» поездок означало закрытие внешней границы Евросоюза, а ограничение свободы передвижения – внутренних границ. Правда, запреты не затрагивали ищущих убежище, но государства-члены по факту прекратили прием заявлений. Несколько напряженных ситуаций (массовый исход беженцев из Афганистана в 2021 г., инциденты на турецко-греческой границе весной 2020 г., на белорусско-польской границе в марте – ноябре 2021 г., в испанском анклав Сеута в Марокко в июне 2021 г.) вопреки опасениям, не привели к миграционному кризису в Европе. Несмотря на серьезные проблемы, ЕС в целом удалось справиться и со значительным миграционным притоком из Украины (5 млн человек получили статус «временной защиты») главным образом потому, что были использованы легальные каналы приема мигрантов. Однако в феврале 2023 г. лидеры ЕС оказались вынуждены созвать саммит по миграции, так как были напуганы резким увеличением масштабов новой миграционной волны из стран Ближнего Востока и Африки.

Между тем, подготовка к возможным чрезвычайным ситуациям и реформа политики убежища заметно не продвинулись со времён прошлого кризиса. Предложенный Комиссией в сентябре 2020 г. Пакт о миграции и убежище – рамочный документ, включающий как законодательные инициативы, так и новые стратегии и планы действий. Его не удаётся согласовать окончательно, хотя отдельные пункты уже реализованы или находятся на стадии переговоров. Обсуждение системообразующего Регламента об управлении политикой миграции и убежища, который должен заменить действующий Дублинский регламент, продвигается с большим трудом. Главное препятствие – различные подходы государств-членов к «механизму солидарности», позволяющему распределить ответственность за приём ищущих убежище. Тем временем, государства члены пытаются самостоятельно решить миграционные проблемы, развивается горизонтальное сотрудничество стран вне правовых рамок ЕС. Тема миграционного кризиса снова в центре политической повестки дня Евросоюза.

* **Ольга Юрьевна Потемкина**, д.полит.н., руководитель Отдела исследований европейской интеграции ИЕ РАН.

В.Н. Гарбузов* . Перед нашими институтами стоит задача изучать «коллективный Запад», поддерживать связи со специалистами оттуда, делать это с академических, экспертных позиций, не втягиваясь при этом в пропаганду. У меня иногда спрашивают, зачем изучать другие страны, зачем изучать США? Обычно отвечаю: надо знать другого, потому что, зная другого, ты лучше понимаешь себя, ты более объёмно смотришь и на другие страны, и на свою собственную, имея возможность сравнивать их.

США невозможно изучать без их взаимосвязей с Европой, Африкой, Китаем и другими регионами. В скором времени не случится того, о чём говорят многие пропагандисты – Соединённые Штаты не утратят доминирующих позиций, там не начнётся гражданская война, Техас не уйдёт в Мексику, не отколется от США и Калифорния.

Полезно порассуждать с точки зрения конструктивизма. Распространены рассуждения о многополярном мире. Как-то президента Владимира Путина спросили, что такое многополярный мир, и он ответил, что это ещё нам всем предстоит осмыслить. В России есть те, кто идёт по следам Самуэля Хантингтона, кое-что у него заимствуя. Идея цивилизаций, говорят они, означает формирование неких цивилизационных структур, которые характеризуют многополярный мир. Именно они и есть самодостаточные центры силы современного мира, в котором будет царить справедливость.

Но точно так же, как справедливо рассуждать о «столкновении цивилизаций», важно рассуждать о взаимодействии и взаимопроникновении цивилизаций. Разве американская цивилизация не проникла во все остальные цивилизации, как и наоборот: африканская в американскую, а теперь и в европейскую, и этот ряд можно продолжать. Поэтому к концепции многополярного мира много вопросов, да и в целом она мало разработана.

Допустим, что мир полицентричен. Из его многообразия можно выделить три державы с собственными глобальными геополитическими программами – три мировых локомотива. Конечно, это Соединённые Штаты, которые исторически добились доминирования довольно быстро и во второй половине XX в. превратились в неформальную империю современного мира. Их доминирование основано на идее «американской исключительности». Кстати, у нас подчас неправильно понимают эту идею, как превосходство американской нации над другими. А этот подход неверен. Уже в Советском Союзе американисты трактовали американскую исключительность, как исключительность исторического пути США, и никак иначе, ведь американская нация – это нация всех этносов и всех религий мира.

Нужно понимать и то, что, хотя Китай дышит им в спину, доминирование США пока достаточно прочно, они собирают сильные коалиции, подобно антироссийской. Эта страна в центре ряда военно-политических формирований, интеграционных объединений. Это реальности, которые надо знать, понимать и учитывать.

* *Валерий Николаевич Гарбузов*, член-корреспондент РАН, директор Института США и Канады РАН.

Вторая держава, которая имеет собственную геополитическую программу, это Китай – вторая неформальная империя современного мира, которая идёт по стопам Соединённых Штатов, проникая во все остальные части земного шара, хотя и иначе, по-своему. Орудиями этой экспансии является концепция «Один путь – один путь».

А как в отношении Европы? У Европейского союза вряд ли есть своя собственная глобальная программа. Конечно, по целому ряду параметров он – соразмерная величина, которая могла бы претендовать на роль еще одного глобального локомотива. Но об этом пока говорить рано.

Третья мировая величина, выступающая с претензией на реализацию собственной глобальной политики – Россия, наследница сверхдержавы СССР и наследница Российской империи. Речь идёт о государстве, которое в советский период пыталось осуществить мощный глобальный проект, геополитическим орудием которого был Коминтерн, созданный в 1919 г. Создать всемирную коммунистическую империю тогда не удалось, но всемирное коммунистическое движение оставалось как наследник этого проекта многие десятилетия, укрепляя тем самым экспансионистский заряд СССР.

У современной России, спустя десятилетий после распада Советского Союза, как у многих других бывших империй, сформировался постимперский синдром, который в полной мере проявился сегодня.

У нее есть амбиции стать локомотивом прежде всего евразийского пространства. Но пока не понятно, о чём идёт речь: о некоем евразийском мире, или только о «Русском мире», о «глубинном государстве» или о «глубинном народе», о «суверенной демократии» или о консервативных идеях и традиционных ценностях? Все это затрудняет научный анализ проблемы. Тем более, трудно говорить о существовании какой-либо философской концепции существования России как самостоятельного государства, отгороженного забором от остального мира.

Наконец, наряду с этими главными локомотивами существуют две конфронтационные оси, которые «завязаны» на США. Первая – американо-китайская, когда старая сверхдержава и молодая, становящаяся на ноги, вступили в конфликт друг с другом. Их методы действия примерно одни и те же, они пронизывают собой весь остальной мир и в результате наталкиваются друг на друга то там, то тут. Между ними сформировалась уникальная и, судя по всему, жизнеспособная модель взаимодействия, когда противостояние и сотрудничество переплетены между собой. Обе державы ругаются, но жить друг без друга не могут, потому что взаимозависимы. В этом и состоит суть механизма регулирования, сформировавшегося внутри этой конфронтационной оси.

Вторая конфронтационная ось, сформировавшаяся в полной мере, – это американо-российское противостояние. Но всё ее содержание выхолащено, вплоть до контроля над вооружениями. Механизм регулирования конфронтации внутри нее, в отличие от первой оси, отсутствует. Вместо этого сформировалась мощная санкционная спираль, раскручиваемая антироссийской коалицией.

США пытаются сделать то же самое в отношении Китая, но пока это у них убедительно не получается.

II. Экономические исследования о европейских процессах

Б.Н. Порфирьев* Мир находимся где-то на экваторе реализации Повестки устойчивого развития ООН до 2030 г., семнадцать целей которой всем хорошо известны. Предварительные итоги начинают подводиться; в сентябре пройдёт специальная сессия ООН, которая рассмотрит соответствующие результаты. С этой точки зрения интерес к Европе представляется более чем обоснованным, тем более что она демонстрирует в целом, если брать совокупность показателей, приличное по сравнению с другими регионами мира движение по этому пути. По состоянию на 2022 г., по целям «ликвидация нищеты», «достойная работа и экономический рост», «индустриализация, инновации и инфраструктура» отмечался наибольший прогресс. Умеренный прогресс в областях здоровья, образования, гендерного равенства, решения проблем устойчивости городского развития. Но городская проблематика не самая благополучная. Недавно вышел отчёт Европейского агентства по охране окружающей среды. Оказалось, что 90% населения городской Европы находится в зоне риска по выбросам загрязняющих веществ.

На систему целей устойчивого развития сильно влияет проблема энергоперехода, которая решается с большим трудом. В Европе доминирует агрессивная «зелёная» повестка, пресловутая задача углеродной нейтральности. Большие осложнения возникли в связи с кризисом на Украине. Резко увеличилось потребление угля; не менее 50 млрд долларов потрачено на строительство новой и расширение существующей инфраструктуры поставок углеводорода. Что касается выбросов парниковых газов, то в 2020–2021 гг. они выросли более чем на 6%; в 2022 г. – на 1%. ЕС, по-видимому, будет продолжать двигаться по своему пути, но цена энергоперехода будет совсем другой.

«Зелёной» повестка Европы останется в силе и будет активно реализовываться. Во-первых, никуда не делась глобальная проблема изменения климата: в прошлом году Европа пережила одну из самых сильных засух, показатели температуры были худшими за 500 лет. Второй фактор – это экономическая и геополитическая конкуренция. Надо иметь в виду, что в 2022 г., если брать в целом по развитым странам, «зелёный» сектор был пятым по величине промышленным сектором экономики, а в Европе этот показатель ещё выше. В результате там за последние 30 лет фиксируется чёткая тенденция по долгосрочному снижению выбросов парниковых газов. В 27 странах ЕС они сократились на треть. При этом ВВП вырос больше чем на 60%. Это серьёзный результат. Большие усилия предпринимаются для реализации программы «Fit for 55», то есть сокращение парниковых газов к 2030 г. на 55%. Там же предусмотрено резкое снижение заболеваемости и смертности, связанных с выбросами.

Реализация «зелёной» повестки это предмет настоящей научно-технологической гонки. «Зелёная» экономика технологически интенсивная, наукоемкая. Для ЕС это имеет принципиальное значение. В 2011 г. на миллион населе-

* **Борис Николаевич Порфирьев**, академик РАН, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН.

ния «зелёных» патентов в Европе было 17, а в Соединённых Штатах 54, то есть три раза больше, в Японии – 69. Но скандинавские страны оставались одними из мировых лидеров по этому показателю.

Если же брать другую часть «зелёных» технологий, так называемую водородную, то Европа смотрится совершенно по-иному: на ЕС и Британию приходится почти треть всех международных патентов, связанных с водородом, тогда как на Японию – 24%, на США – 20%, Южную Корею – 7%, Китай – 4%. В связи с этим есть желание закрепить здесь свои позиции, используя их как мощный рычаг технологического перевооружения не только энергетики и реального сектора, но всей экономики.

Россия, реализуя свою собственную повестку, должна исходить из того, что Запад будет использовать свои технологические возможности для давления на неё, прежде всего через стандарты, через различные нормативы. Это требует от России выработки собственной политики, но с пониманием, что она не должна заниматься безудержной погоней за возобновляемой энергетикой и электрическим транспортом, который является альфой и омегой «зелёной» повестки Европы. При этом внимательно следить за действиями ЕС. Ведь европейский «зелёный курс» это пакет с несколькими серьёзными программами, где климатический аспект – лишь один из нескольких. Там заложена мощная программа по адаптации, по развитию лесного, сельского хозяйства.

А.Н. Клепач* По паритету покупательной способности недружественные страны – это более 40%, но это 75% мировых расходов на НИОКР. Поворот России на восток с точки зрения внешней торговли начался достаточно давно. В 2004–2006 гг. на недружественные страны (ЕС, США, Япония) у России приходилось 70–75% товарооборота, затем эта доля стала постепенно снижаться. С точки зрения импорта, данный процесс протекал достаточно резко после 2014 г., но по-настоящему обвал произошёл в 2022 г. – сокращение с 52 до 29%. Что касается экспорта, то его большую часть удалось перенаправить в азиатский регион. У России экспорт нефти по прошлому году не упал, а вырос. Правительство рассчитывает, что так будет и дальше, хотя по оценкам независимых экспертов, в 2023 г. произойдет падение. То же самое и с нефтепродуктами. Так, Турция становится не только газовым хабом, но и хабом для наших нефтепродуктов, и далее через Испанию они идут в Европу. Поэтому сокращение неизбежно. Если в 2021 г. их экспорт на Запад составлял где-то 118 млн т, то к 2025–2026 г. этот показатель упадёт до 12–20 млн.

Наиболее драматические события произошли по газу. Евросоюз в 2021 г. закупал 130 млрд м³, а в 2022-ом, по предварительным оценкам, – 56 млрд. Дальше эта цифра составит не выше 22 млрд. Для того чтобы такие объёмы шли на Восток, нужна новая инфраструктура доставки, сооружение которой потребует не менее 10 лет. С СПГ картина более благополучная, и его экспорт будет наращиваться с потенциалом выхода на уровень более 100 млн т в год. Однако надо отметить значительные техноло-

* **Андрей Николаевич Клепач**, к.э.н., главный экономист государственной корпорации развития ВЭБ РФ.

гические и логистические проблемы по Севморпути. Без кардинальных изменений в корабельном составе, навигации желаемых объёмов не обеспечить.

Часто говорят, что Европа выигрывала от российского дешёвого газа. Для европейских домовладений он был не таким уж и дешёвым и стоил в разы больше, чем у нас или в США. Но в 2022 г. произошёл новый пик, когда разница, если брать внутренние российские цены, составила более 10 раз. Несмотря на прошедшую тёплую зиму и снижение стоимости, цены останутся достаточно высокими, и в следующие осень – зиму произойдёт новый скачок. Кроме того, ряд ведущих европейских стран, такие как Германия и Великобритания, входят в рецессию.

Что касается российской экономики, то она не крупная, около 3% мирового ВВП по паритету, но ее реальное влияние за счет ряда ключевых позиций выше. Мы в лидерах по углеводородам, ядерным технологиям, экспорту пшеницы. В области космоса пока держимся, но уже на четвёртом месте. Но в целом потенциал достаточно неплохой, в том числе в авиационной сфере. Да, количество производимых самолётов низкое, но, надо сказать, что авиация важна прежде всего тем, что это технологии. Вклад авиационного комплекса США – могущественной авиационной империи – всего примерно 0,35% ВВП. В России соответствующая цифра – 0,2–0,3%. Но 20% всех технологических наработок это авиация и космическая отрасль, и здесь у нас серьёзные технологические заделы. Считанные страны, включая США и Россию, частично Великобританию, способны создавать авиационные двигатели. Так что дело не всегда в цифрах по ВВП.

Если говорить о консолидации ШОС и её трансформации в целом из организации по безопасности в экономический блок, то уже сейчас это более 30% мировой экономики. Кроме этого, не надо упрощённо трактовать лозунг «поворота на восток». Необходимо сохранить наши технологические связи с Европой, и, думаю, что лет через десять определённое восстановление произойдёт. Для России дело не просто в повороте на Восток, а в формировании новой модели евразийского партнёрства и переформатировании тем самым и всей мировой экономики.

О.В. Буторина* РФ относится к числу стран, имеющих высокие показатели географической диверсификации внешнеторговых потоков. В 2020 г. индекс Герфиндаля-Хиршмана по импорту составил 0,082, а по экспорту – 0,049. 80% стоимости импорта поступало из 23 стран, а 80% экспорта направлялось в 25 стран. Вместе с тем происходящие в мировой торговле значительные колебания делают актуальной задачу дальнейшей диверсификации торговых потоков как в части товарного наполнения (в первую очередь, экспорта), так и в части регионального распределения.

Динамика товарного экспорта из 27 стран ЕС в целом коррелирует с динамикой мирового экспорта. Высокие показатели 2013–2014 гг. (до 14 млрд долл. в месяц) испытали падение на рубеже 2014–2015 гг. (вследствие снижения мировых цен на топливо) и далее формировали неровный восходящий тренд вплоть до ноября 2021 г., когда они вернулись к уровню выше 9 млрд долл. На протяжении 2022 г.

* *Ольга Витальевна Буторина*, член-корреспондент РАН, заместитель директора ИЕ РАН.

стоимостные показатели экспорта из ЕС-27 в Россию резко снизились: до 3 млрд долл. в апреле и до 2,5 млрд долл. в декабре.

Во втором полугодии 2022 г. заметно возросли показатели экспорта стран ЕАЭС в Россию. Особенно их нарастили Казахстан, Узбекистан, Армения и Кыргызстан. Однако только Казахстан достиг месячной стоимости продаж свыше 1 млрд долл., остальные три страны имели в конце года показатели в интервале от 200 до 370 млн долл. Судить о том, насколько устойчивым будет наблюдавшийся в конце 2022 г. скачок, можно будет не ранее осени 2023 г.

Китай давно является главным торговым партнером России как по экспорту, так и по импорту. Помесячная динамика экспорта из КНР в РФ лишь незначительно отражает перепады стоимостных величин мирового экспорта, что позволяет рассматривать КНР как источник стабилизирующего замещения импорта из Европы. Но здесь есть своя специфика: поставкам из Китая присуща высокая волатильность. Так, в середине прошлого десятилетия в пределах одного квартала ежемесячные показатели могли колебаться от 2 до 4 млрд долл. Резкие падения наблюдались в начале 2020 и 2022 гг.

Всё более важными поставщиками в Россию становятся Турция и Индия, значительно расширившие свой экспорт во II–IV кварталах 2022 г. Однако их потенциал замещения импорта из ЕС может развернуться только в долгосрочной перспективе. В конце 2022 г. месячная стоимость турецкого экспорта в Россию достигла 1,3 млрд долл., тогда как продажи индийских товаров увеличились до 300 млн долл. В целом, произошедшее в 2022 г. снижение экспорта стран ЕС в Россию было только частично замещено товарами из третьих стран. В средне- и долгосрочной перспективе переориентация российского импорта с европейского направления на другие регионы требует решения проблемы неравномерности поставок из Китая и последовательной работы с поставщиками из третьих стран, включая Казахстан, Турцию и Индию.

А.В. Кузнецов* Среди исследований ведущих российских научных центров с развитой европейстикой отметил бы работы в рамках тематики европейской экономической интеграции с детальным изучением актуальных проблем социально-экономического развития стран ЕС. Важнейшее значение имеет миграционная проблематика. На третье место поставил бы вопросы внешнеэкономических связей ЕС с Россией, что, как считаю, не теряет своей актуальности. Наконец, специфика экономических моделей отдельных европейских стран. Важная тема – крупнейшие города зарубежной Европы, их комплексное изучение. Востребовано изучение положения дел в сфере «социального государства», в том числе идей и практик «базового дохода». Одна из ключевых – тема трансформации инвестиционного климата ЕС в свете конфискации российских активов. Не исключено, что в результате антироссийских шагов европейцев будут сформированы новые инвестиционные инструменты, проведена переоценка инвестиционных рисков и страхования рисков в Европейском регионе.

* *Алексей Владимирович Кузнецов*, член-корреспондент РАН, директор ИНИОН РАН.

Судьба страноведческих европейских исследований и дальше должна нас волновать, потому что дружественные там находятся страны или недружественные, а изучать их надо для пользы России как одного из ключевых игроков в мире, причем делать эту работу надо детально. Радует, что серьезные научные журналы в России (прежде всего «Современная Европа», «Актуальные проблемы Европы», «Контурсы глобальных трансформаций» и ряд других) по-прежнему выступают надежной дискуссионной платформой для отечественных европеистов.

А.И. Бажан* . Среди богатой европейской экономической проблематики выделяется ситуация с инфляцией. То, что мы наблюдаем в последнее время (2022–2023 гг.) в ЕС, совершенно не ординарно с точки зрения масштабов роста цен, который можно сравнить разве что с инфляцией 1970-х гг. В октябре 2022 г. она достигла в годовом исчислении 11,5%, хотя в октябре 2020 г. была почти равна нулю. Столь быстрый рост цен служит негативным фактором, снижает уровень реальных доходов населения, тормозит экономический рост и увеличивает дефицит торгового баланса ЕС. Главным источником инфляции послужил энергетический кризис, катастрофический рост цен на энергоносители, вина за который целиком лежит на Западе, на его санкциях, введенных против России, сокративших поставки нефти и газа на мировой рынок. Со второй половины 2022 г. прирост цен на энергоносители в ЕС начинает снижаться из-за подключения всё больших поставок из США и некоторых других стран, а также в результате более активного использования альтернативных источников энергии. Это обусловило общее снижение инфляции, которая в марте 2023 г. составила 6,9% по еврозоне.

Своеобразной была в этот период политика ЕЦБ, который до сентября 2022 г. практиковал нулевую ставку рефинансирования, поскольку резонно считал, что причиной инфляции служит внешний фактор, на который не может влиять его монетарная политика. Однако затем он постепенно стал повышать ставку. В марте 2023 г. она достигла 3,5%. Изменение политики было связано с двумя обстоятельствами. Во-первых, цены на энергоносители в целом перестали расти и даже наблюдалось в некоторые периоды их сокращение. Во-вторых, возросла ставка рефинансирования Федеральной резервной системы США, и, для того чтобы затормозить утечку капитала в Америку, ЕЦБ был вынужден повысить свою ключевую ставку.

Е.Б. Ленчук** . Подводя итоги первого года беспрецедентного санкционного давления со стороны Запада на Россию, можно сделать вывод, что отечественной экономике удалось выдержать санкционный удар. Основные экономические показатели по 2022 г. оказались лучше, чем ожидалось. Это показывает, что наша экономика сумела адаптироваться к внешним ограничениям, благодаря мерам, принимаемым государством. Однако сегодня необходимо ответить на вопрос, достаточно ли этих мер, чтобы перейти от адаптации к развитию российской экономики в перспективе. Важно понимать, что действие санкций имеет долгосрочный характер и

* *Анатолий Иванович Бажан*, д.э.н., руководитель Отдела экономических исследований ИЕ РАН.

** *Елена Борисовна Ленчук*, д.э.н., заместитель директора Института экономики РАН.

накопительный эффект. Прежде всего, они лишают страну и экономику таких классических драйверов роста, как возможность получать новые технологии, повышающие производительность труда, как расширение экспортного спроса, доступа к инвестициям. В таких условиях одной из стратегических угроз для России уже в среднесрочной перспективе становится переход российской экономики в стадию стагнации с крайне невысокими темпами роста, что будет ограничивать решение социальных задач и создавать риски снижения уровня жизни населения.

Сегодня довольно много говорится о высокой неопределенности в экономическом развитии России, и с этим нельзя не согласиться. Но все же, если говорить о переходе от адаптации к развитию, то следует прежде всего понимать в рамках какого сценария и соответственно в рамках какой модели развития это возможно.

В общем виде сценария два. Первый – разворот на Восток. Это сценарий, который похоже сегодня реализуется в рамках той же экспортно-сырьевой модели развития. Модель не меняется, мы становимся сырьевым придатком Китая, Индии и других азиатских стран, взамен получаем новые технологии и продукцию народно-хозяйственного назначения. При таком сценарии рассчитывать на высокие темпы роста вряд ли возможно.

Второй сценарий связан с тем, что Россия выбирает тот курс, по которому сегодня развиваются развитые страны, и делает ставку на структурно-технологическую модернизацию экономики, технологическое развитие на базе четвертой промышленной революции. Если мы хотим сохранить себя в качестве самостоятельного геополитического субъекта и выстроить конкурентоспособную экономику, обеспечивающую в долгосрочной перспективе устойчивую динамику экономического роста не ниже среднемирового уровня, то второму сценарию практически нет альтернативы. Сегодня именно научно-технологический фактор становится драйвером роста, и именно в научно-технологическую сферу смещается конкурентная борьба между странами.

Уместно напомнить, выступая на Петербургском международном форуме в 2022 г. Президент РФ В.В. Путин подчеркнул, что России нужна новая модель развития – технологический суверенитет. Речь не идет об изоляции страны и стремлении выпускать все своими силами. Технологический суверенитет понимается в широком смысле – как способность обеспечивать себя критически важными технологиями, которые позволяют полномасштабно решать социально-экономические задачи, повышать благосостояние и уровень конкурентоспособности страны. Технологический суверенитет – это ключ к независимости политики и экономики, обеспечения обороноспособности страны. Этот вопрос довольно активно обсуждался на заседании Президиума Госсовета в Туле 4 апреля 2023 г., на котором, в частности, отмечалось, что «наряду с первоочередными мерами замещения импортных технологий и продуктов нужны средне- и долгосрочные преобразования, на стратегические цели именно суверенного развития страны».

Реализовать такой курс можно только на основе активной государственной экономической политики, четко выверенных целей, задач, ресурсов при полном консенсусе государства, бизнеса и общества, что требует повышения качества стратегического управления и прежде всего его ядра – стратегического планирования. Без

планирования, в условиях внешних ограничений, связанных с беспрецедентными санкциями, а также внутренних ресурсных ограничений, невозможно обеспечить технологический суверенитет, провести реструктуризацию экономики и сделать ее менее зависимой от внешних поставок, обеспечить конкурентные преимущества на новых формирующихся рынках. Безусловно, должна быть разработана долгосрочная стратегия социально-экономического развития страны, которая вопреки уставкам 172-ФЗ, до сих пор не принята. В ней должны быть обозначены стратегические национальные приоритеты социально-экономического развития, закреплена инновационная модель развития.

Под эту стратегию должен быть сформирован и научно-технологический контур – организационный каркас научно-технологической деятельности, связанный с экономической системой, общей целевой ориентацией, ресурсными возможностями. В текущих геополитических и геоэкономических условиях очень важно сосредоточиться на критически важных задачах и направлениях научно-технологического развития, направляя туда имеющиеся ресурсы, как кадровые, так и финансовые, которые сегодня явно ограничены. России предстоит выстроить новую модель научно-технологического развития, которая на горизонте десяти-пятнадцати лет сможет преодолеть критическую импортозависимость по ряду высокотехнологичной продукции и технологий, самостоятельно обеспечить наполнение значительной части российского рынка новым поколением технологических систем, нарастить высокотехнологичный экспорт, используя для этого кооперацию с дружественными странами, обновить технологическую базу традиционных производств.

Отражение такой научно-технологической политики должно найти в обновленной Стратегии научно-технологического развития России на долгосрочную перспективу. Однако сегодня активно обсуждается принятие другого нового документа – Концепции научно-технологического развития РФ до 2030 г. Этот документ, к сожалению, опять носит довольно декларативный характер, формулируя принципы научно-технологического развития и определяя инструменты его поддержки, в то время как этот процесс требует содержательного наполнения. Безусловно, бизнес воспользуется новыми инструментами и очевидно будет решать задачи собственного технологического развития. Но если мы хотим в достаточно короткие сроки преодолеть критическую технологическую зависимость, обеспечить технологический суверенитет, поставить науку на службу реальному сектору экономики, повысить конкурентоспособность страны на новых формирующихся рынках, нужно видение общей картины, нужны четкие целевые ориентиры и приоритеты и конкретные действия, направленные на достижение этих целей, под них должны быть разработаны соответствующие программы и проекты, выделены ресурсы, обеспечен соответствующий уровень компетенций.

Таким образом, технологическая политика у нас пока проседает, и здесь необходимы комплексные решения. Поэтому очень важно преодолеть не только организационные, но и содержательные разрывы в развитии науки, технологий, инноваций, производства. Именно вся эта цепочка должна быть увязана в рамках промышленной политики, которая должна стать промышленно-технологической, обеспечивая увязку структурных и научно-технологических приоритетов.

Безусловно, поставленные задачи не удастся решить без укрепления отечественного научно-технологического потенциала. Россия сегодня единственная страна из G-20, научно-технологический потенциал сокращался. По численности исследователей на 10000 занятых Россия отстает сегодня от таких стран, как Южная Корея, Швеция и Дания почти в три раза, от США и Германии – в два раза.

Уступаем мы развитым страна и по уровню расходов на НИОКР на одного исследователя: США – в четыре раза, Франции, Италии, Южной Кореи в два. За последние два десятилетия показатель доли внутренних расходов на исследования и разработки в ВВП России не подымался выше 1,2%. Для сравнения: аналогичный показатель в США уже перешагнул 3% рубеж, а в Южной Кореи и Израиле превысил 4,5%. В этой связи нельзя не выразить озабоченность по поводу дальнейшего сокращения финансирования науки, которое заложено в рамках госбюджета. Так, общая сумма финансирования госпрограммы «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» в 2023 г. должна составить 1,2 трлн руб., такая же сумма выделялась и в 2020 г. Если учесть, что в период 2020–2022 г. инфляция «съела» 27,8% этих средств, то можно предположить, что российская наука получит от государства менее 1% ВВП. Это капля в море, которая ставит под сомнение возможность технологического рывка, что требует серьезного осмысления.

Обеспечение технологического суверенитета требует безотлагательного наращивания инвестиций в сферу НИОКР уже в ближайшие два-три года. На это должны быть настроены меры финансовой, денежно-кредитной и налоговой политики.

И.Н. Тимофеев*. Масштаб санкционной войны против России беспрецедентный. В инструментарии внешней политики ЕС санкции постепенно увеличивали свою роль на протяжении последних 20 лет. Процесс этот имеет количественное выражение – число санкций, число прецедентов их использования, под которыми мы понимаем односторонние ограничительные меры, направленные на достижение политических целей, запреты или ограничения в области финансов, торговли, иной экономической деятельности. У экономистов возникает законный вопрос: как считать параметры роста интенсивности применения санкций?

С февраля 2022 г. тема санкций стала ещё более актуальной, в подсчётах идёт соревнование, кто назовут большую цифру. Говорят, что против России использовали 5 тыс. санкций, 10 тыс. и даже больше. Вопрос: а как считать? Итальянский учёный Франческо Джумелли, видный специалист в области политики санкций, применяет достаточно простой, но убедительный подход – считать число санкционных программ и механизмов, используя регламенты и решения Совета ЕС. То есть важно понять, что засчитывать за единицу анализа. Нередко за такую единицу берут появление того или иного лица в санкционном списке, но, спрашивается, в каком списке: заблокированных лиц, секторальных санкций, в списке лиц, которым запрещены исключения по товарам двойного назначения? Или речь идёт о списках экспортного контроля, номенклатуре товаров и услуг? Можно ли, например, Сбербанк или Альфа-банк по 269-ому регламенту приравнять к блокированию физи-

* **Иван Николаевич Тимофеев**, к.полит.н., генеральный директор Российского совета по международным делам.

ческого лица? С точки зрения последствий для экономики это разные категории. Поэтому цифры, которые мы видим в большом количестве, вызывают обоснованные сомнения. Можно достаточно надёжно посчитать число лиц под блокирующими санкциями, но это далеко не полная картина.

На качественном уровне мы понимаем, что интенсивность применения санкций ЕС растёт. Исторически сложилось так, что блокирующие санкции в отношении физических и юридических лиц, то есть запрет на любые транзакции с этими лицами в юрисдикции ЕС и заморозка активов, стало ведущим инструментом во внешнеполитическом арсенале санкционной политики ЕС. В целом эта тенденция глобальная, активно их используют США, выступающие здесь пионером, другие западные страны – Канада, Австралия, теперь Новая Зеландия и другие.

Россия и Китай довольно неохотно брали на вооружение такие инструменты. В России только в 2018 г. появились их зачатки – Постановление № 1300 правительства РФ. До этого предпочтение отдавалось более традиционным методам санкционной политики, таким как запреты на импорт, торговые ограничения. Китай несколько лет назад начал разрабатывать свой инструментарий блокирующих санкций. На сегодня ЕС является ключевым субъектом использования этого инструментария. Но у него он сосуществует с другими механизмами, в основном применяемыми в отношении России: экспортный контроль, запрет на импорт, транспортные санкции и ограничения, визовые ограничения и так далее.

До 2022 г. фиксировался относительно самостоятельный подход ЕС к политике санкций. Политика санкций ЕС и США далеко не всегда совпадала. По Ирану, например, у ЕС был собственный подход к выполнению СВПД (ядерной сделки с Ираном), и большая критика в отношении США в этом вопросе. В отношении России их траектории также не во всём совпадали, особенно в подходах к «Северному потоку». Но после 2022 г. возник гораздо более высокий уровень синхронизации политики санкций. Более того, до 2022 г. бизнес из стран ЕС сам был объектом американского давления, мер административного и уголовного преследования за нарушение санкций.

Мы собрали базу данных, в которой сейчас 274 кейса за последние 14 лет. Журнал «Современная Европа» любезно опубликовал первые результаты этого исследования, где показано, что компании из ЕС являются ключевой мишенью американского Минфина с точки зрения применения административных мер за нарушения американских санкций. Ещё в 2019–2020 гг. власти ЕС рассматривали это как серьёзную проблему, от которой нужно защищаться, усиливать «блокирующий статут», и вторичные санкции вообще считались неприемлемыми. Сейчас другая картина, когда, например, в праве ЕС де-факто появился механизм вторичных санкций – 269-й регламент как основание для блокирующих санкций за обход или попытки обхода санкций в отношении России. И к этому в ЕС отношение очень спокойное; на второй план ушёл весь дискурс по модернизации «блокирующего статута». Санкции против России после февраля 2022 г. можно считать первым прецедентом массированного применения таких мер со стороны ЕС. С правовой точки зрения мы имеем дело с всё теми же таргетированными санкциями и экспортным контро-

лем. Но по совокупности получается, что эти санкции, являясь по форме «умными», по содержанию становятся «ковровой бомбардировкой» российской экономики.

В ЕС также идёт калибровка практики уголовного и административного преследования за нарушение режимов санкций. Если до 2022 г. это было экзотикой, то сейчас только в одних Нидерландах заведено 45 уголовных дел по санкционной тематике. Ещё одна проблема: в европейском праве фиксируются одни инструменты, а на уровне национальных органов они применяются по-другому. Например, европейское право – статья два 833-го регламента – охватывает поставки товаров двойного назначения невоенным потребителям, если они связаны с медициной, фармацевтикой, без лицензии, просто с уведомлением таможни. На практике, если мы возьмём немецкого регулятора, то он требует «нулевую лицензию», то есть добавляет к европейскому праву ещё и свои бюрократические препоны. Здесь у нас большой дефицит информации по применительной практике.

Мы также исходим из того, что санкции будут продолжать наращивать. Ещё в начале 2022 г. было распространено мнение, что антироссийские санкции себя исчерпали. Но затем появился февральский пакет, и довольно чувствительный, и затем многое другое, экспортный контроль и так далее. То есть санкциям есть куда расти и в плане расширения списков заблокированных лиц, номенклатуры по торговым санкциям и др. Но парадоксально, у нас сохраняется стереотип, что есовская бюрократия не гибкая, медленная, хотя санкционная история показывает, в кризисных ситуациях они могут быть вполне оперативными и изобретательными, когда есть политический заказ.

III. Вызовы безопасности: глобальные и европейские аспекты

С.М. Рогов *. Рассмотрим место России в современной системе международных отношений. На долю нашей страны приходится меньше 2% населения мира, около 3% в мировом ВВП по ППС, 2% экспорта, 2,5% расходов на науку, хотя здесь есть много вопросов о статистике. Впечатляет только показатель ядерного оружия – у Москвы почти половина таких вооружений, которые имеются сегодня в мире. В этих условиях Россия официально трактуется как государство, которое может оказывать решающее влияние на глобальный баланс сил, в том числе опираясь не только на ядерные боезаряды, но и на ШОС как экономический и военно-политический механизм для консолидации Евразии.

Но что с совокупными показателями стран, которые входят в ШОС?

В целом по населению это свыше 40% мирового, по ВВП примерно 30%, по НИОКР более 30%, по расходам на оборону более 20%. Помимо ядерного арсенала России ядерное оружие имеют три страны – члена ШОС: Китай, Индия и Пакистан. В условиях, когда соотношение в сфере обычных вооружений резко не в нашу пользу, а в результате расширения НАТО подлётное время нового поколения американских ракет к Москве может составлять всего лишь несколько минут, мы дела-

* *Сергей Михайлович Рогов*, академик РАН, научный руководитель Института США и Канады РАН.

ем всё большую ставку на ШОС. Военные расходы стран ШОС составляют почти 75% от затрат США, стран НАТО, Японии, Южной Кореи, Австралии и других американских союзников вместе взятых. Но ситуация, которая сложилась после начала СВО, вновь показывает, что ШОС не является военно-политическим блоком, как НАТО. Страны ШОС, даже Китай, не поддерживают СВО однозначно, хотя и выступают против антироссийских санкций и не участвуют в них.

В этих условиях ядерное оружие становится в нашем восприятии тем средством, которое позволит удерживать НАТО и Соединённые Штаты от агрессии против РФ.

В центре внимания оказался вопрос о размещении российского тактического ядерного оружия на территории Белоруссии. После развала СССР огромное количество тактических ядерных боезарядов было выведено с территории Украины и Белоруссии. Но США тогда не хотели раздела советского ядерного арсенала. На Украине тогда находилось почти 5000 стратегических и тактических ядерных зарядов. Кстати, Билл Клинтон на прошлой неделе не нашёл ничего лучше, как выразить сожаление по поводу того, что он содействовал вывозу ядерного оружия с Украины в Россию. В Белоруссии размещалось более 1000 ядерных боезарядов.

Сегодня США имеют относительно небольшое количество ядерных боезарядов в Европе. Американские ядерные вооружения находятся на территории пяти стран НАТО, а на шести военных базах, где имеются хранилища для авиационных бомб, их максимальное количество может достигать 300 единиц. По оценкам экспертов, сейчас у американцев имеется примерно 100 ядерных зарядов в Европе.

Теперь о структуре НАТО как ядерного альянса. Три его государства располагают ядерным оружием – США, Франция и Великобритания. Ещё несколько государств имеют договорённости и участвуют в учениях по применению ядерного оружия на собственных самолётах помимо американских. Действует система «двойного ключа», когда решение о применении ядерного оружия принимается и Соединёнными Штатами, и государством – членом НАТО, на территории которого оно находится. Кроме того, это использование обычной истребительной операции для прикрытия американских и других натовских самолётов с ядерным оружием.

Что касается России, то её ядерное тактическое оружие находилось на базах централизованного хранения. Есть и базы хранения ядерных вооружений для военно-морского флота. Решение о развёртывании на территории Белоруссии тактического ядерного оружия РФ – это, конечно, отход от той позиции, которой мы придерживались более 30 лет, и всё это время требовали вывода американских ТЯО с территории Германии, Италии и других стран, где они находятся. Как отреагируют на это западные страны? Не исключено, что в будущем ответят размещением американского тактического ядерного оружия, например, на территории Польши. Могут быть размещены в Польше и Балтике новые американские гиперзвуковые, баллистические ракеты с коротким полётным временем.

В этих условиях возникает вопрос: можно ли предотвратить дальнейшую эскалацию военной напряжённости между Россией и НАТО и Россией и США в первую очередь, и самое главное – гарантировать неприменение ядерного оружия? Со стороны России прекратилось выполнение Договора СНВ-3, мы предприняли целый ряд других политико-дипломатических мер, касающихся отказа от некоторых дого-

ворённостей по контролю над вооружениями. Произведёт ли это соответствующее впечатление на США и Запад? Сомневаюсь; скорее всего, произойдёт эскалация со стороны НАТО. В частности, Основополагающий акт 1997 г., который и так уже фактически не выполняется, формально может быть разорван. Размещение американских ракет вблизи границ России может создать ситуацию, когда любой инцидент приведёт к прямому военному столкновению и ядерной войне.

Вступление в НАТО Финляндии и Швеции создаёт ситуацию, когда размещение американских ракет на новых территориях будет непосредственно угрожать Мурманску и базам Северного морского флота, а это основные силы ядерного сдерживания России, наиболее важные, с очень коротким подлётным временем. Причём с американской стороны будет достаточно не стратегических ракет, а тактических ракет с дальностью несколько сотен километров. До Петербурга от финской границы порядка 100 км. Кроме того, Эстония уже предлагала перекрыть выход из Финского залива. Польша построила каналы и вместе с американцами недавно провела очередные военные учения, имитирующие высадку десанта в Калининграде.

Всё это заставляет серьёзно задуматься над тем, можно ли остановить наихудший сценарий развития событий и стабилизировать ситуацию. Не думаю, что можно рассчитывать на нормализацию отношений с США и Западом в обозримом будущем, но взять ситуацию под контроль и не допустить прямого военного столкновения между Россией и Соединёнными Штатами, НАТО, это задача, которая требует решения. Такое решение требует «мозгового штурма» на экспертном уровне.

А.Г. Арбатов* . Исследование Европы, европеистика, на мой взгляд, абсолютно не теряет своего значения в нынешних условиях конфронтации и противоборства. Я бы даже сказал, что наоборот, именно в условиях обострения напряжённости детальное знание другой стороны гораздо важнее, чем в условиях мира и дружбы. Когда множатся риски, любая ошибка может дорого стоить и даже обернуться катастрофой.

Ещё задолго до 2022 г. специалисты говорили об ухудшении ситуации в сфере стратегической стабильности, о расширении функций ядерного сдерживания в государственных доктринах. Проявилась и связь украинского кризиса и стратегической стабильности. Фактически ушёл в прошлое последний договор, который венчал полувековой путь переговоров между Москвой и Вашингтоном об ограничении и сокращении стратегических вооружений. Всего между ними было подписано десять крупных соглашений, благодаря которым удалось почти в десять раз сократить количество ядерных боезарядов, перестроить ядерный потенциал двух стран, свести до минимума вероятность ядерной войны. Мне довелось участвовать в качестве члена делегации Советского Союза в переговорах по договору СНВ-1. Хорошо помню, какие трудности пришлось преодолеть и сколько труда, сил и здоровья всё это стоило.

Контроль над стратегическими вооружениями – это главная сфера взаимодействия двух ядерных сверхдержав с целью предотвращения ядерной войны. Если этот контроль рухнет, то их стратегические ядерные и иные силы будут направле-

* *Алексей Георгиевич Арбатов*, академик РАН, член Дирекции ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, руководитель Центра международной безопасности.

ны не на сдерживание, а на повышение эффективности использования любого оружия не только в политической риторике, но и в реальном военном планировании.

«Стратегическая стабильность» это не всеобщая гармония, не синоним международной безопасности, а абсолютно конкретная, чётко сформулированная стратегическая концепция, согласованная между СССР и США и изложенная в Совместном заявлении 1990 г. о принципах дальнейшего сокращения и ограничения стратегических вооружений. Мне посчастливилось работать в группе, которая занималась этим вопросом. Принципы стратегической стабильности потом нашли выражение в первом радикальном договоре именно о сокращении стратегических вооружений – СНВ-1, подписанном в 1991 г. До этого в рамках подобных договоров согласовывались лишь потолки, до которых можно было эти вооружения наращивать.

Стратегическая стабильность есть состояние отношений сторон в сфере стратегических вооружений, при котором устраняются стимулы для первого ядерного удара. В этой краткой формулировке заключён огромный смысл – политический, военно-политический, исторический. Также были сформулированы несколько технических ключевых принципов стратегической стабильности.

Первый принцип – признание взаимосвязи между стратегическими оборонительными и стратегическими наступательными вооружениями.

Второй принцип – уменьшение концентрации боеголовок на носителях по мере сокращения стратегических вооружений с тем, чтобы количество боезарядов, то есть параметра первого разоружающего удара, сокращалось опережающим образом по сравнению с количеством носителей, которые являются первоочередными целями для такого удара. Эта задача была решена и в СНВ-1, и в последующих шести соглашениях, заключённых после 1991 г.

Третий принцип – предпочтение высокоживучим системам стратегических вооружений, которые нельзя уничтожить первым ударом. Это стратегические ракетные подводные лодки в океане; грунтово-мобильные межконтинентальные баллистические ракеты, которые выходят на маршруты патрулирования и становятся неуязвимы для вероятных ударов противника.

По существу, концепция стратегической стабильности это связующее звено между ядерным сдерживанием и взаимной безопасностью. Покуда существует ядерное оружие и сохраняется взаимное ядерное сдерживание, оно не должно вылиться в обмен ядерными ударами. Сейчас мы рискуем лишиться этого связующего звена. Это не значит, что завтра начнётся ядерная война, но это значит, что стратегические силы двух сторон не будут ограничены договором и станут избавлены от мер транспарентности и предсказуемости. Значит, они будут развиваться в сторону повышения эффективности применения в ядерной войне, тем самым увеличивая вероятность такой войны. Поскольку если у одной из сторон есть надежда сократить свой ущерб в войне, эффективно применить и достичь победы или хотя бы закончить войну «на приемлемых условиях», то и вероятность войны станет выше.

В начале 2023 г. Россия приостановила своё участие в ДСНВ, заключённом в 2010 г. При этом российский МИД разъяснил, что Россия не будет нарушать потолки на стратегические вооружения, установленные в договоре. Из этих потолков важнейших только два: 1550 боезарядов и 700 развёрнутых носителей. Теперь воз-

ника неопределенность с обменом данными об имеющихся стратегических силах, который осуществлялся дважды в год. Прекращаются инспекции на местах, другие меры транспарентности, такие как уведомления о деятельности стратегических сил. За время действия договора таких уведомлений было больше 25 тыс. (вывод из боевого состава и возвращение в него, вывод на ремонт, замена боеголовок и ракет, ремонт пусковых установок и т.д.). Также было проведено около 240 инспекций на местах, по восемнадцать в год.

С помощью национальных технических средств разведки, таких как спутники и другие средства, несложно контролировать количество ракет наземного базирования, стратегических подводных лодок и ракет морского базирования, количество тяжёлых бомбардировщиков. Что касается ядерных боеголовок, то тут другая ситуация. Без инспекций на местах со временем будет всё больше неопределённости в отношении того, соблюдает ли другая сторона ограничения на количество боезарядов – 1550 единиц, поскольку, например, со спутников не видно, сколько боеголовок установлено на ракетах. Большинство ракет сегодня способны нести несколько ядерных боеголовок, и это количество может меняться в сторону увеличения.

Наверняка в США со временем начнётся кампания по обвинению России в превышении потолков. По последнему обмену данными, у России было заявлено 1549 ядерных боезарядов. Тогда США могут начать наращивать количества своих боезарядов на стратегических силах. Если обе стороны станут это делать, то паритет будет нарушен не в пользу России. Причина в том, что в силу технических особенностей СНВ-3 американцы осуществляли сокращение боезарядов в значительной степени за счёт снятия части боеголовок с баллистических ракет морского и наземного базирования и переправки их в хранилища. Россия тоже это делала, но в большей мере снимала устаревшие носители, то есть ликвидировала баллистические ракеты, выводила из боевого состава и ликвидировала подводные лодки. В результате возможность вернуть боезаряды из хранилищ у России меньше, чем у США. Подсчёты специалистов показывают, что в течение нескольких лет США могут увеличить количество своих стратегических ядерных боезарядов с нынешних 1420 до трёх с половиной тысяч. Россия может увеличить их количество до двух с половиной тысяч. В результате сложится превосходство США в тысячу боеголовок, и паритет будет нарушен.

Еще более серьёзная опасность связана с тем, как пойдёт дальнейшее развитие стратегических сил России и США без транспарентности и предсказуемости. И это в условиях, когда внедряется всё больше систем двойного назначения, в том числе стратегического класса. Сейчас при выводе бомбардировщика или подводной лодки из состава стратегических сил и их перевооружении на обычные вооружения соблюдаются серьёзные технические процедуры, направляются уведомления другой стороне. Без этого все разграничения будут размываться. Будут развиваться стратегические системы, прежде всего ракеты воздушного и морского базирования в обычном оснащении, которые имеют большую дальность и высокую точность, приобретая стратегический эффект во всех моделях обмена ударами. К тому же не останется никаких надежд на ограничение систем противоракетной обороны, будущих космических вооружений, не говоря уже о киберугрозах стратегическим си-

стемам управления и информационного обеспечения. В результате произойдёт дестабилизация стратегического баланса даже без резкого наращивания носителей.

Какие обоснования выдвигает Россия для приостановки своего участия в ДСНВ?

Есть политический аргумент, и он, на мой взгляд, самый важный. Говорится, что в сложившейся ситуации, когда Запад ставит цель стратегического поражения России, все принципы неделимости безопасности, которые содержатся в преамбуле к договору, перестают работать.

Есть технический аргумент – препятствия, чинимые США для посещения российскими инспекторами американских военных объектов. Они включают закрытие воздушного пространства, визовые ограничения, выведение части своих стратегических носителей из боевого состава ядерных сил таким образом, что их переоборудование не признаётся Россией достаточным в плане контроля. Речь идёт примерно о сотне ракет морского базирования и бомбардировщиках.

Наконец, есть стратегический аргумент. Он включает, во-первых, взаимосвязь оборонительных и наступательных вооружений, которые Соединённые Штаты отрицали с момента их выхода в 2002 г. из Договора по ПРО. Во-вторых, это учёт ядерных сил союзников США по НАТО – Великобритании и Франции, на чём настаивал ещё СССР. Кроме того, говорится, что раз страны НАТО обратились к России с предложением не выходить из ДСНВ, значит они претендуют на участие в этом договоре и их силы необходимо засчитывать. (Кстати, почему бы по этой логике не засчитывать ядерные силы, например, Китая и Индии, которые также выступают за соблюдение договора.)

Но есть и более серьёзный аргумент: когда процесс сокращения стратегических вооружений начинался с Договора СНВ-1 в 1991 г., совокупная численность ядерных боезарядов Великобритании и Франции по правилам зачёта того договора составляла менее 4% от стратегических ядерных сил и Советского Союза, и США. Ядерные силы Великобритании и Франции с тех пор не увеличивались, но зато резко сокращались ядерные силы России и США. В результате удельный вес английских и французских средств вырос до 35%. Поэтому вполне справедливо было бы поставить вопрос об их учёте. Конечно, это сказать легче, чем сделать, но тем не менее над этим стоит работать. С той серьёзной оговоркой, что нет никакой возможности вовлечь в этот процесс Лондон и Париж уже в рамках ДСНВ, истекающего в 2026 г. Тем более, это немыслимо, если этот Договор будет развален в ближайшее время. Но такая возможность может появиться в контексте перехода РФ и США к разработке нового договора на смену ДСНВ после 2026 г. Однако при этом следует тщательно просчитать эту перспективу на случай встречного американского условия об учёте быстро растущих ядерных сил Китая.

Ф.Г. Войтоловский* Динамика трансатлантических отношений показывает, что США смогли существенно укрепить свое влияние на союзников в экономическом, военном и политико-идеологическом отношении. Украинский кризис и Специальная военная операция ВС РФ были максимально использованы Вашингтоном

* *Фёдор Генрихович Войтоловский*, член-корреспондент РАН, директор ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.

для того, чтобы отвратить не только европейских членов НАТО, но и другие страны ЕС от сотрудничества и даже от политического и гуманитарного диалога с Россией. США удалось использовать ситуацию на Украине для того, чтобы ослабить то, что принято называть «стратегической автономией» ЕС – экономической, энергетической сферах и нивелировать ее полностью в сфере военной безопасности.

Если посмотреть на Стратегию национальной безопасности, которую приняла администрация Байдена, на целый ряд сопутствующих документов в сфере военного, политического планирования, то однозначно прослеживается вектор активной, инициативной, наступательной американской внешней и военной политики. На европейском театре, где для США и НАТО главный противник – Россия, США уже смогли решить ряд стратегических задач, которые будут значимы на долгосрочную перспективу.

Администрация Дж. Байдена смогла консолидировать союзников. Над этим бился президент Дж. Буш-младший, заставляя союзников участвовать в военных кампаниях в Афганистане и Ираке. Барак Обама пытался заставить союзников больше платить за свою безопасность. Этого требовал Дональд Трамп, и всем им кое-что удалось. Но Байден добился наибольших успехов, несмотря на то, что далеко не все европейские члены Североатлантического альянса одинаково готовы вовлекаться в новые военные программы и инициативы, предоставлять военную помощь киевскому режиму в запрашиваемых объемах. Так, пока только семь европейских стран – членов альянса поддерживают военные расходы на уровне выше 2% ВВП.

Тем не менее большинство европейских стран НАТО увеличивают свои оборонные траты. Совокупные оборонные расходы альянса превысили 1 трлн долларов. Конечно, в этой цифре 830 млрд – американские расходы ключевые, но всё же увеличение европейских военных расходов, а главное – готовность союзников участвовать в военных планах, в сотрудничестве по различным направлениям, в проведении учений, разработке и производстве вооружений и военной техники, их поставках на Украину в опосредованном противостоянии с Россией – это существенный результат администрации Байдена.

Структура американских военных расходов уже изменилась и продолжает меняться под влиянием текущей международно-политической ситуации. Соединённые Штаты завершили военное присутствие в Афганистане, при всех политических, материальных и моральных издержках, завершили военную кампанию в Ираке – и это сейчас позволяет высвободить значительные средства. Совокупно за 20 лет они потратили больше 2,5 трлн долларов на эти две кампании. Сейчас те деньги, которые Вашингтону удалось высвободить после завершения «войн за морями», пойдут, во-первых, на переоснащение американских вооружённых сил, на модернизацию стратегической ядерной триады, на создание новых видов высокоточных вооружений, в том числе гиперзвуковых систем, ракетно-планирующих систем, перспективных систем средней дальности, крылатых ракет дальнего радиуса действия воздушного базирования, на модернизацию авиации и военно-морского флота, развитие программ создания ракет средней дальности наземного и морского базирования в неядерном и ядерном оснащении. Увеличиваются расходы и на производство обычных вооружений и военной техники. Это расходы, которые должны дать системный эффект с точки зрения боеспособности вооружённых сил США на длитель-

ную перспективу. Американцы смогли за последние 10 лет существенно увеличить расходы на НИОКР военного назначения практически в два раза. С 2014 г. военные расходы Германии увеличились более чем на треть, как и военные расходы Франции. Это происходит в соответствии не только с новым пониманием европейскими союзниками своих приоритетов в сфере безопасности, но и в логике интересов США.

Но насколько американцы смогут решать две ключевые задачи в сфере стратегического планирования: одновременное противодействие России на европейском театре и Китаю – на азиатском-тихоокеанском? Насколько им хватит на это ресурсов? Ответ на этот вопрос будет во многом зависеть от развития ситуации и в Европе, и в российско-американских отношениях, и на глобальном уровне. Традиционно американцы избегали одновременной конфронтации с двумя крупными противниками. Сейчас они оказываются в ситуации Советского Союза 1960-х гг., когда есть главный противник. Пока это мы, а в перспективе – Китай. Но одновременно у США есть второй противник на долгосрочную перспективу – сегодня в этой роли пока выступает КНР, но она со всей очевидностью сможет скоро претендовать на роль основного врага США, а Россия станет вторым по значимости оппонентом. У СССР был период конфликта с Китаем, и одновременно продолжалось противостояние с США. Сегодня Вашингтон приближается к тому, чтобы примерить шкуру СССР. При этом американцы понимают, что углубление кризиса в отношениях с РФ, рост военно-политической напряжённости в Европе, экономическая война против России, санкционная политика и угроза прямого военного конфликта России и НАТО – это существенные глобальные риски для американских интересов.

Военные расходы КНР, по данным агентства «Синьхуа», составляют примерно четверть от американских, хотя официальных данных нет. По оценкам Стокгольмского института мира SIPRI, это более 250 млрд долларов. Специалисты «Рэнд Корпорейшн» называют цифру гораздо выше – 320–340 млрд. Уже в 2019 г. по количественному составу военно-морского флота Китай обошёл США. Понятно, что потенциалы ВМФ двух стран с точки зрения тактико-технических характеристик, структуры флотов, параметров технического оснащения кораблей пока остаются трудно сопоставимыми – проигрывая количественно, ВМС США превосходя морскую мощь НОАК качественно. Но тренд очевиден. Эти же тенденции развиваются в ракетно-ядерной сфере. По данным американцев, китайцы строят 320 шахтных пусковых установок, и это когда КНР обладает технологией разделяющихся головных частей, может быстро ее приблизить по потенциалу стратегических ядерных сил к США и России. Пока Китай не располагает способностью ответно-встречного удара, способного уничтожить США, но как изменится баланс сил через 5 лет? Пока США активно работают над тем, чтобы возродить старые форматы отношений с союзниками в Азии и сформировать новые.

На этом этапе американцы сделали ставку на противостояние с более слабым, как они предполагали, экономически и в военном отношении противником – с Россией, считая, что перехода к прямому военному столкновению не будет, хотя игру в эскалацию мы видим в контексте украинского кризиса постоянно. Но на долгосрочную перспективу главный для них противник, конечно, КНР. Необходимо внимательно изучать, как будет развиваться динамика отношений в этом треуголь-

нике, как это будет влиять на отношения между Россией и европейскими странами. Сейчас перед США встает задача еще более сложная, чем та, которую ставила реализовавшаяся с 2014 г. линия на разрыв экономической взаимозависимости России и ЕС. Теперь Вашингтону предстоит так повлиять на союзников в Европе, чтобы они пошли на разрыв торговых и инвестиционных связей стран ЕС с Китаем, а их объем уже существенно превышает масштабы торгово-экономического взаимодействия США и КНР. Товарооборот КНР и ЕС в 2022 г. превысил 900 млрд долл. Так что это будет труднейшей политической задачей для США.

А.В. Кортунов* Хотел бы поделиться некоторыми наблюдениями, вытекающими из обсуждений отношений России и Запада, которые состоялись на протяжении последнего года, прежде всего – на уровне второго трека. Эти три горизонта, в том числе в отношении задач, которые возникают на европейском направлении для России в сфере традиционной безопасности.

Есть ближайший горизонт, который просматривается до завершения активной фазы СВО, пока российско-украинский конфликт и конфликт между Россией и Западом не перейдет в более латентное состояние. Этот горизонт может измеряться несколькими месяцами, но может оказаться и более продолжительным.

Второй горизонт – это то, что произойдет после того, как активная фаза конфликта так или иначе завершится. Она может закончиться каким-то юридически обязывающим соглашением о перемирии или же сойти на нет без такого соглашения.

Третий горизонт – это более долгосрочные отношения между Россией и Западом при условии, что удастся достичь не только перемирия, не только прекращения огня по линии соприкосновения сторон, но и какого-то политического урегулирования конфликта в целом.

Говоря о ближайшем горизонте, напомним, что теория конфликтов учит, что если конфликт не удаётся остановить, то тогда единственное, что можно сделать – постараться управлять эскалацией и проводить там, где это возможно, меры по деэскалации конфликта.

Против идеи деэскалации выдвигают, как правило, два основных аргумента. Первый: раз стороны друг другу не доверяют, то деэскалация практически недостижима, поскольку нарушения любых договоренностей и, особенно, неформальных, практически неизбежны. Так, российская сторона неоднократно заявляла о том, что вооружённые силы Украины используют гражданские объекты для ведения боевых действий. Из Киева звучат встречные обвинения. Пока конфликт продолжается, каждая из сторон будет стремиться сохранить максимальную свободу рук – в том числе и как средства политического давления на противника. Второй аргумент сводится к тому, что деэскалация, в случае своего успеха, делает конфликт более приемлемым и для его участников, и для международного сообщества. То есть деэскалация рассматривается как де-факто альтернатива соглашению о прекращении конфликта и может на практике вести к затягиванию конфликта, который ведется по каким-то правилам.

* **Андрей Вадимович Кортунов**, к.и.н., научный руководитель Российского совета по международным делам.

Тем не менее мы знаем, что усилия по деэскалации ведутся, и яркий пример этих усилий – то, что пытается делать МАГАТЭ в отношении объектов атомной энергетики на территории Украины. Если исходить из того, что эта работа имеет какие-то, пусть даже скромные, шансы на успех, то тогда можно развивать данный подход и дальше, скажем, в отношении других объектов, разрушение которых имело бы столь же масштабные негативные последствия. Например, кроме объектов атомной энергетики можно обратить внимание на крупные химические предприятия, удары по которым имели бы масштабные экологические последствия. У наших военных, насколько я помню, были идеи, касающиеся ограничения ударов по плотинам крупных гидроэлектростанций, поскольку и здесь последствия были бы очень значительными.

О втором горизонте после прекращения активной фазы конфликта. Если исходить из того, что решающей военной победы одной из сторон в конфликте пока не просматривается, то главная задача на этом этапе – обеспечить соблюдение сторонами условий соглашения, даже если оно четко не оформлено политически и юридически. У нас пока имеется опыт Минских соглашений, который в целом считается неудачным, но именно поэтому встает задача по разработке новых механизмов и процедур, которые могли бы быть более эффективными и надежными. Есть вариант создания некоего гибридного механизма с участием ОБСЕ и ООН. Первая организация имеет институциональный опыт работы на территории Украины. Конечно, её ресурсный потенциал недостаточен. В рамках «Минска-2» было задействовано примерно 700 наблюдателей на 400 км линии соприкосновения, что не позволяло осуществить эффективные мониторинг соблюдения соглашения. ООН в лице Департамента миротворческих операций имеет более значительный ресурс, но в своей оперативности уступает ОБСЕ. Да, не так просто совместить две разные институциональные культуры, тем не менее, над этим вопросом, по всей видимости, стоит размышлять уже сегодня.

Наконец по поводу долгосрочного горизонта в несколько лет. Если исходить из того, что ни на Западе, ни в России не произойдет кардинальных изменений, то речь на этом горизонте пойдет о фиксации ситуации военно-политического противостояния в Европе с решением двух взаимосвязанных задач. Первая – снижение рисков непреднамеренной эскалации, стабилизация кризисных ситуаций в евроатлантическом пространстве при их возникновении. Вторая – снижение издержек противостояния, включая военные, финансовые, экономические, социальные и иные. Понятно, что ни Россия, ни Запад не должны быть заинтересованы в бесконтрольной гонке вооружений со всеми вытекающими негативными последствиями.

Это означает, что придется в той или иной форме восстанавливать механизмы, которые в своё время создавались в рамках Совета Россия – НАТО, включая его военное измерение. Ясно, что необходимо постоянное оперативное взаимодействие между военными двух сторон для того, чтобы реагировать на возможные кризисы. Вероятно, это будет какой-то совершенно иной механизм, может быть, «группа кризисного реагирования» или что-то ещё, но это совершенно необходимо, отвечает общим интересам, и это то, к чему стороны, наверняка, придут через несколько лет. Возможно, удастся вернуться к некоторым процедурам, которые существовали в рамках ОБСЕ, к идеям из Венского документа, из «структурированного диалога», некоторым другим механизмам, хотя все это будет очень трудно и, наверное, очень

небыстро. В любом случае, ОБСЕ – единственная общеевропейская структура с участием России, и выбор платформы здесь невелик.

Принципиальный вопрос – гарантии безопасности Украины и России в этой новой европейской экосистеме безопасности. Силами только европейских стран или силами только Запада такие гарантии создать невозможно, поскольку Запад уже стал фактически участником конфликта. Необходима дальнейшая интернационализация системы европейской безопасности, по всей видимости, с включением в нее в том или ином формате ведущих государств глобального Юга, прежде всего, КНР и других важных игроков.

А.И. Шумилин* В области общеевропейской системы безопасности хотел бы более подробно остановиться на такой её грани, как средиземноморские конфликты. Средиземноморье было и остаётся зоной повышенной военно-политической напряжённости. Причин тому множество, но важнейшая в том, что там проходит линия цивилизационного разлома: между исламской цивилизацией и европейской. Это зона сосредоточия ряда конфликтов, волны которых вышли за пределы региона: между Грецией и Турцией (включая Кипр), Израилем и Палестиной, в Ливии, Сирии, Ливане. Районы стабильно повышенной напряжённости из-за территориальных споров – между Алжиром и Марокко, Сербией и Косово. Разногласия сохраняются между Британией и Испанией из-за Гибралтара, между Мадридом и Рабатом из-за испанских анклавов Сеута и Мелилья. Этот список можно продолжить. Практически во всех перечисленных конфликтах Евросоюз пытается осуществлять миротворческие миссии.

Одним из важнейших изменений ситуации в регионе в целом и в Восточном Средиземноморье стала заметно возросшая роль Турции, усиление её влияния. Это стало возможным в результате последовательной реализации Р.Т. Эрдоганом политико-идеологической концепции «неоосманизма», направленной на усиление роли и расширение масштабов присутствия Турции в стратегически важных для неё районах. Чаще всего это происходит путём поддержки одной из сторон в уже разгоревшемся конфликте (Кипр, Ливия, Сирия).

В утверждении своей позиции по ряду вопросов Эрдоган проявляет решимость противостоять давлению со стороны союзников по НАТО (приобретение российских ЗРК С-400 в 2019 г., вето на вступление Швеции в альянс). Это повышало градус напряжения в отношениях Анкары с партнёрами. В отличие от Де Голля, выведшего Францию из военной организации НАТО в середине 1960-х гг., Эрдоган предпринимает более точечные акции ради «геополитической мобилизации» – утверждения роли Турции в Восточном Средиземноморье в целом, как и в интересах обеспечения устойчивости своего режима.

Можно ли говорить о том, что модель Эрдогана в международных делах соответствует интересам России? Думаю, что нет. В Ливии, Сирии, на Кипре позиции Москвы и Анкары противоположны. В отношении конфликта вокруг Украины Эрдоган позиционирует себя в качестве посредника (например, «зерновая сделка») в политическом плане, но в военно-стратегическом склоняется к взаимодействию с

* *Александр Иванович Шумилин*, д.полит.н., руководитель Центра Европа – Ближний Восток, Отдел европейской безопасности ИЕ РАН.

Киевом. По сути, он не выходит за рамки ограничений, наложенных на Турцию членством в НАТО. В сложившейся ситуации, однако, именно президент Эрдоган всё чаще воспринимается ведущими членами альянса как возможный посредник в диалоге НАТО с Россией после завершения нынешнего конфликта на востоке Европы. Ещё недавно порицавшаяся Брюсселем излишняя самостоятельность Эрдогана в международных делах может быть использована Западом для частичной стабилизации отношений между Россией и НАТО в среднесрочной перспективе.

Д.А. Данилов* Система европейской безопасности переживает фундаментальный кризис. За четверть века после падения Берлинской стены так и не удалось создать «Европу от Ванкувера до Владивостока», добиться неприменения силы в общеевропейских отношениях. Первую и Вторую мировые войны тоже разделяет исторически небольшой период. Теперь развивавшийся многие годы конфликт на Украине перерос, по существу, в прокси-войну между Россией и Западом. Такая новая реальность предельно сужает возможности деэскалации и политического урегулирования не только на Украине, но и отношениях Россия – Запад. Нарастает конфликтность и в других европейских регионах (Балканы, Нагорный Карабах, Средиземноморье), а институты и механизмы урегулирования, напротив, деградируют.

Россия уже воспринимается не в качестве стратегического вызова, а как прямая угроза Евроатлантике и международному порядку, «основанному на правилах». НАТО и ЕС ведут активную работу по политико-правовому обоснованию политических директив, принятых против России, соответствующих направлений военной активности, включая расширительное толкование применения статьи 5 Вашингтонского договора о коллективных гарантиях безопасности (их распространение на новые сферы оперативного планирования, включая киберпространство и космос).

Объявление Китая вызовом Евроатлантике и её ценностям направлено на противодействие не только самому Пекину, но и развитию его сотрудничества с Россией, особенно в технологической и военно-технической сфере. В целом «новая норма» европейского и международного порядка означает для Запада необходимость опоры на собственные институты и механизмы безопасности и, соответственно, усиления их геополитической роли и геополитическую экспансию по формуле «кто не с нами – тот против нас». Это способствует ослаблению многосторонних институтов, прежде всего ООН, которую Запад использует как инструмент противоборства с «ревизионистскими державами» и «авторитарными режимами».

Тем не менее в российском экспертном сообществе по-прежнему магистральной является установка на поиск путей снижения уровня противостояния в парадигме неделимости безопасности и прагматичного взаимодействия. Есть ясное понимание того, что развитие многостороннего сотрудничества по широкой повестке безопасности невозможно без преодоления фундаментальных противоречий и конфликтующих стратегий в военно-политической сфере.

«Мягкая безопасность», несомненно, важнейший ресурс достижения международного мира на основе многостороннего согласования национальных и групповых

* *Дмитрий Александрович Данилов*, к.э.н., руководитель Отдела европейской безопасности ИЕ РАН.

интересов. Но в ситуации, когда столкновение интересов перерастает в фазу фундаментальных разногласий с тенденцией к эскалации и возрастанию рисков новых региональных конфликтов, задача развязать гордиев узел «жесткий безопасности» вновь выходит на первый план.

А.В. Загорский*. Конкретные параметры европейской безопасности для России определяются только по итогам военного противостояния на Украине. Но уже сегодня очевиден ряд фундаментальных перемен в той среде, в которой Россия будет находиться в Европе.

Во-первых, если все предыдущие кризисы в отношениях России и Запада в Европе (1999 г. – Косово, 2008 г. – Грузия) заканчивались достаточно быстрой перезагрузкой отношений, то после 2014 г. такая перезагрузка не произошла, хотя, как казалось, она была отложена временно. В начале 2022 г. складывалось впечатление, что стороны могут выйти на возобновление диалога по целому ряду крупных вопросов. После февраля 2022 г. какая-либо перезагрузка, конечно, стала невозможной на длительную перспективу.

Во-вторых, произошла беспрецедентная консолидация Запада за весь период после окончания холодной войны. Списывать её просто на манипуляции США было бы неверно. В самой Европе произошли глубокие перемены в настроении политических элит и в общественном мнении. В Германии радикально изменились подходы к России. По недавним социологическим опросам, более 70% жителей таких стран, как Германия и Франция, готовы платить за отказ от российских энергоресурсов и выступают за усиление санкций против России. Мы ещё пока до конца не поняли глубину этих перемен.

В условиях такого разворота бывшие стратегические партнёры России в Европе не предложили какую-либо свою модель новой политики в отношении нашей страны. Поэтому сегодня в дискуссиях в рамках Европейского союза и в рамках НАТО тон задают самые острые критики РФ.

Меняется экономическая основа отношений России с Европой. Наметилась тенденция к её необратимому отказу от российских энергоресурсов. Одновременно серьёзно ограничиваются поставки европейских технологий, которые сохраняются, видимо, даже в том случае, если когда-либо, в более благоприятной обстановке, начнётся постепенная отмена санкций против нашей страны. Поэтому в перспективе неясно, о чём можно будет разговаривать с Евросоюзом. Ещё недавно популярная формула, согласно которой в стратегических интересах двух сторон предлагалось соединить российские энергоресурсы с европейскими технологиями, стала достоянием прошлого. Мы говорим о необходимости решать вопросы уменьшения опасности военного столкновения России и НАТО. Но очевидно, что это не получится сделать с помощью механизмов, созданных в своё время на базе Совета Россия – НАТО. Придётся создавать новые механизмы для снижения рисков.

Помимо этого повестка дня будет вновь во многом определяться нерешёнными вопросами о границах. Вряд ли стоит ожидать, что новые границы России после

* *Андрей Владимирович Загорский*, д.и.н., заведующий Отделом разоружения и урегулирования конфликтов Центра международной безопасности ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.

завершения военной фазы конфликта будут признаны европейскими странами де-юре, да и де-факто тоже. Это будет мешать достижению договорённостей по другим вопросам. Например, есть ли шансы на возрождение Венского документа по мерам укрепления доверия и безопасности в Европе? Даже если в теории да, то кто будет приглашать для проведения инспекций или проверок на новых территориях РФ? Кто будет приглашать в Крым? На это не соглашались и до этого. Это будет создавать не просто юридические и иные проблемы, но в обозримой перспективе не позволит достичь какой-либо политической договорённости с Западом для фиксации нового статус-кво или хотя бы модус вивенди на переходный период.

НАТО и Россия окончательно вернулись к ситуации взаимного военного сдерживания. На протяжении ближайших лет в НАТО будет вестись работа по выполнению решений последних саммитов альянса. В России также будут меняться численность войск и география их размещения. Тем самым достижение в обозримой перспективе договорённостей в области контроля над обычными вооружениями в Европе сводится к минимуму. В лучшем случае можно надеяться на взаимные меры по уменьшению военной опасности.

Как бы успешно ни осуществлялся «поворот на восток», у России будет оставаться огромное количество вопросов, которыми придётся заниматься с США, НАТО, ЕС. Эта работа будет требовать достижения каких-то взаимопониманий, согласований, договорённостей.

П.А. Шариков* На фоне происходящего в Европе и мире важно сказать о ситуации в отношениях между ЕС и США. При демократической администрации Дж. Байдена происходит восстановление трансатлантических отношений – весьма резкий разворот по сравнению с неоизоляционистской политикой Д. Трампа. Демократическая партия стремится институционализировать трансатлантические отношения, обеспечить им стабильность в условиях трансформации мирового порядка. Двусторонние отношения Вашингтона с партнёрами в Европе развиваются не менее интенсивно по сравнению с треком США – ЕС. Более того, после брекзита субъектность ЕС возросла. Отношения США с ЕС в основном развиваются вокруг экономических интересов, а проблематика безопасности обсуждается в рамках Североатлантического альянса.

При Байдене возобновилась практика проведения саммитов с ЕС. Саммит в июне 2021 г. был с масштабной повесткой. Усиливается взаимодействие на уровне законодательных ветвей власти. Основные текущие вопросы решаются в форматах Совета по торговле и технологиям; Совета по энергетике; стратегических диалогов и др. Одним из важнейших приоритетов стали энергетика, защита окружающей среды и борьба с изменением климата. Выработка общей политики в этих сферах осуществляется в рамках Энергетического совета, учреждённого ещё при администрации Обамы.

В контексте вопросов военно-политической безопасности роль НАТО для Запада возрастает. Появляются и новые сопутствующие форматы, например, «рамштайнский», причём географически его состав выходит далеко за рамки

* *Павел Александрович Шариков*, к.полит.н., Отдел исследований европейской интеграции ИЕ РАН.

трансатлантического пространства. Развивается проект AUKUS. Важнейшим аспектом отношений США и Европы становится сдерживание Китая. Политики с обоих берегов Атлантики всё больше сходятся в том, что неизбежно стратегическое соперничество с Китаем, включающее сложный комплекс экономических, финансовых, военно-политических и других аспектов. В планах США, НАТО и ЕС – дальнейшее вовлечение в их орбиту партнёров и союзников в АТР.

Соперничество с Китаем разворачивается в первую очередь в сфере высоких технологий. США и Европа в целом солидарны в том, чтобы сфокусировать свои экономические и финансовые ресурсы для снижения конкурентоспособности Китая в технологической сфере. Соответственно вводятся меры импортного контроля, контроля за цепочками поставок, по защите информационной безопасности.

Вместо заключения

Ал.А. Громыко. По количеству населения ЕС находится на третьем месте в мире, но его доля будет неизбежно снижаться. В то же время Единый рынок ещё долго будет сохранять место среди мировых лидеров, в том числе по технологической оснащённости. Однако вес ЕС в глобальной экономике также продолжит падение. Это интеграционное объединение вошло в зону длительной стагнации. Основные причины – в более быстром развитии незападных центров силы, в рисках политизированного «энергоперехода» и ангажированного «зелёного курса», в стратегически недалёковидном разрыве экономических отношений с Россией и усилении противостояния с Китаем, в неравномерности развития стран-членов.

Россия совершает трудный и форсированный переход в рамках политики «разворота на восток». Ей предстоит длительная конкуренция за кошельки и сердца глобального Юга. В условиях курса Вашингтона на «двойное сдерживание» России и Китая будут укрепляться элементы российско-китайского тандема, а европейские государства продолжат попытки маневрирования между лояльностью США и жизненной необходимостью развития экономического сотрудничества с Пекином.

Дальнейшее укрепление получит феномен полицентричного мира. С высокой вероятностью можно предположить, что речь идёт о полицентричности с элементами сложносоставной квазибиполярности. Мало сомнений в том, что США и Китай всё явственнее образуют основную ось мировой политики на обозримое будущее. Однако её характеризует усечённый, квазибиполярный характер в виду того, что количество восходящих центров силы, сравнимых по тем или иным параметрам с США и Китаем и имеющих собственные геополитические амбиции, существенно выше, чем в ситуации второй половины XX века. Сверхдержав в былом понимании давно не существует в отличие от растущего количества «нишевых» держав – мировых лидеров по определённым позициям. Одновременно история учит, что периоды конфронтации старых и восходящих государств чередуются с периодами стабилизации, установления нового баланса сил на основе тех или иных механизмов сдержек и противовесов.